

Олег Калугин

Вид с Лубянки

"Дело" бывшего
генерала КГБ.
Месяц первый

КОРРЕСПОНДЕНТ:

*Вы рискуете продолжить
противоборство?*

О. КАЛУГИН:

*Рискует тот, кто, по
пословице, складывает все
яйца в одну корзину. Я так
не поступаю. И в КГБ это
знают.*

СОБЕСЕДНИК, № 29, 1990.

Олег Данилович Калугин родился в 1934 году в Ленинграде. После окончания университета в 1958 году по собственному желанию пришел работать в КГБ. В 1959-м по первой программе студенческого обмена между СССР и США стажировался в Колумбийском университете. В 25 лет стал корреспондентом советского радио в Нью-Йорке. В 1965—1970 годах работал сначала вторым, а затем первым секретарем советского посольства в Вашингтоне. По возвращении из США через 2 года стал начальником управления внешней контрразведки. В 40 лет получил генеральские погоны. В 1980 году Андропов перевел его в Ленинград первым заместителем начальника КГБ. В 1987 году в результате обострения отношений с ленинградским руководством, приостановившим реализацию дел о взяточничестве, возвращен в Москву в резерв комитета. В этом же году он написал письмо Михаилу Горбачеву с конкретными предложениями коренных изменений в системе органов госбезопасности. В 1989 году, когда Калугину исполнилось 55 лет, ему было предложено уйти на пенсию.

Олег Калугин

**Вид
с Лубянки**

**"Дело" бывшего
генерала КГБ.
Месяц первый**

ПИК
независимое издательство

МОСКВА
1990

Художники
Андрей Евстигнеев
Вадим Конопкин

Калугин О.Д.
Вид с Лубянки

© Независимое издательство ПИК. — Москва
1990. — 112 с.

© Фирма ПИК — независимое издательство
Москва, 107066. Токмаков пер., д. 14.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателей книга не задумывалась ни автором, ни издательством, а сложилась в считанные недели и как бы сама собой. Сразу после резко срезонировавшего в общественном мнении выступления генерал-майора в отставке О. Калугина на конференции "Демократической платформы КПСС" мы предложили ему написать статью для первого номера журнала "ПИК — дайджест". И через несколько дней получили рукопись. Однако стремительное развитие событий, где одну из главных ролей сыграла пресса, внесло поправки в наши планы. В контексте интервью Калугина, "оценок", данных его выступлениям "компетентными органами", Указа Президента о лишении О. Д. Калугина наград (и подобных "оргвыводов" Совета Министров СССР и КГБ), газетных и журнальных комментариев, читательских откликов, депутатских заявлений и запросов статья Калугина прямо-таки напрашивалась стать центром естественно возникающей книги. Не пытаясь, разумеется, объять необъятное и ничего не комментируя (за единственным исключением — просто нельзя не отметить, что одна из статей, написанных от имени КГБ, заимствует заголовки... у известного и не так давно слывшего "крамольным" открытого письма Александра Солженицына "Жить не по лжи"), мы ограничились хронологическими публикациями из нескольких периодических изданий, на наш взгляд, наиболее оперативных и решительных, — и одним месяцем: первым месяцем "дела" генерала Калугина. Месяцем, уже ставшим историей...

КГБ БЕЗ ГРИМА

(“Аргументы и факты”, № 26, 1990г.)

16 июня на конференции “Демократической платформы в КПСС” выступил бывший начальник управления внешней контрразведки КГБ СССР (1973–1980гг.), бывший первый заместитель начальника УКГБ по Ленинградской области (1980–1987гг.), ныне уволенный в запас (февраль 1990г.), почетный чекист, кавалер 22 правительственных и ведомственных наград, генерал КГБ О. Калугин (р. 1934г.). По многочисленным просьбам читателей приводим его выступление (с некоторыми сокращениями).

Хочу поблагодарить организационный комитет конференции за возможность выступить в этой аудитории. Для того, чтобы у вас не закралось сомнение относительно цели моего присутствия здесь, чтобы вы не подумали, что я вскочил на подножку “Демократической платформы” из каких-то неблагоприятных соображений, сделаю очень краткий экскурс в недавнюю историю.

В 1979 г., будучи начальником внешней контрразведки в КГБ, я заступился за одного арестованного гражданина, ученого, который по сфабрикованному обвинению был осужден на 7 лет и томился в наших лагерях и за которого я нес моральную ответственность, ибо его нахождение в Советском Союзе было связано с моей предыдущей деятельностью. Этим же вопросом, кстати, из благородных побуждений занялся тогда и Евгений Примаков, но вовремя остановился. Для справки: этот гражданин был осужден по сфабрикованному обвинению в спекуляции антиквариатом. На самом деле он

долгие годы "разрабатывался" как шпион ЦРУ, но, поскольку подтверждения не нашлось, решили взять не мытьем, так катаньем, что в общем-то достаточно характерно для бывшей моей организации.

В этой связи в 1980 г. тов. Андропов, тогда еще председатель КГБ, направил меня в Ленинград, считая, что я наделал много шума и, пока все оседет, мне надо пересидеть в Ленинграде. Но чтобы я не обижался, меня сделали первым заместителем начальника УКГБ, дали номенклатурное депутатство в Ленинградском областном Совете, кандидата в члены обкома КПСС Ленинграда.

В 1986 г., насмотревшись на то, что творилось в Ленинграде, ознакомившись с деятельностью Романова, Зайкова, Соловьева, видя, как органы КГБ, которые призваны обеспечивать безопасность, по сути дела, замазывали многие процессы, происходившие в городе, я написал письмо в ЦК КПСС, веря в то, что там разберутся и примут соответствующие меры.

Была прислана комиссия ЦК КПСС, которая "не нашла" подтверждения изложенным мною фактам. И тогда в феврале 1987 г., когда меня срочно откомандировали из Ленинграда в Москву, я направил письмо тов. Горбачеву, в котором высказал свои соображения после 30 лет работы в органах — о роли КГБ в нашем обществе. Я высказался в том смысле, что мы не можем, если хотим всерьез заняться перестройкой, действовать рука об руку с организацией, которая проникла во все поры нашей жизни, которая вмешивается по воле партии или с ее ведома в любые дела государственной и общественной жизни — в экономику, культуру, науку, спорт, религию. Короче, нет ни одной сферы жизни в нашей стране, в которой бы не присутствовала рука или тень КГБ. Я писал о том, что наша страна переживает до сих пор — а это был 1987 г. — патологическое пристрастие к секретности, что наши граждане живут в огромном концлагере, который охраняется десятками тысяч пограничников, что наши органы государственной безопасности по численности превышают все органы, вместе взятые, Европы, Америки и Азии (без Китая).

Прошло несколько лет. Сейчас у КГБ появился в некотором смысле новый облик, некоторые проблемы, связанные с

режимом секретности, с выездом советских граждан, значительно облегчились. Но если мы говорим о новом облике КГБ, то речь идет скорее о косметике, о наведении румян на весьма жухлое лицо старой сталинско-брежневской школы. Основы, методы, практика — остались старыми. Это вербовка агентуры в рядах политических противников и организаций; это засылка своей агентуры, это дискредитация активистов движений; это нейтрализация организаций, их разложение как конечная цель.

Все это делается, разумеется, при неустанном внимании КПСС, а если точнее — под руководством ее Политбюро и отдельных секторов ЦК, которые всю жизнь, несмотря на смену поколений, ведут эту деятельность. Причем все — от Ежова до Крючкова — выходцы из аппарата, были и остаются частью системы, которую наша современная идеологическая мысль назвала командно-бюрократической системой. Ничего подобного! Это партийно-полицейская система! И первичные партийные органы есть не что иное, как поставщики дани для содержания партийного аппарата. И первым пособником, правой рукой высшего руководства ЦК является Комитет государственной безопасности.

70 лет партия бросала лозунг — борьба с международным империализмом. НКВД, КГБ расшифровывал это так: борьба с иностранными спецслужбами, враждебной эмиграцией, с "Радио Свобода", троцкистами, маоистами, представителями других организаций и социальных групп — в зависимости от капризов, причуд и грамотности наших партийных руководителей.

Сегодня, как вы знаете, партия отбросила многие лозунги, связанные с международным империализмом и классовой борьбой, и провозгласила общечеловеческие ценности. Так что же делать в этой ситуации организации, которая десятилетиями занималась определенными объектами и манипулировала огромным контингентом внутри страны и за границей? Чем ей теперь заниматься? Радио "Свобода", которое мы приглашаем сюда сегодня? Ватиканом, куда мы послали посла? Контршпионажем? Но ведь господин Колби, бывший директор ЦРУ, сейчас присутствует в Москве на заседаниях и обсуждает проблемы взаимодействия между спецслужбами СССР и Соединенных Штатов.

Кстати, я совершенно не против, чтобы такое сотрудничество было. Но хочу сказать, что это неизбежно привело к определенным расстройкам и деморализации внутри аппарата, который не привык мыслить, который обучен борьбе со всяким инакомыслием, со всякими противниками партийной власти.

В этой ситуации часть работников КГБ заняла левые позиции, отслоилась, хотя многие из них молчат. А еще большая часть ушла вправо, стала опорой консервативных сил в нашей стране, и прежде всего в партийном аппарате.

Вы посмотрите на события сегодняшнего дня через призму государственной безопасности. Да, органы КГБ подключились к работе с организованной преступностью. Где-то в Караганде вместе с милицией арестовали самогонщиков, при аресте изъяли 264 бутылки водки. Да, чекисты работают против местных фарцовщиков в Москве и против проституции в Ленинграде. Но где же были органы КГБ во время событий в Сумгаите, Фрунзе, Тбилиси? Где их роль в обеспечении безопасности жизни граждан в прямом смысле этого слова? Почему на первом плане у нас органы МВД и армия, несчастная армия, которая вынуждена бороться с собственным народом?

Те, кто полагает, что органы обессилели, глубоко ошибаются. Все, кто "не хочет поступаться принципами", могут спать спокойно: органы полностью сохранили свой потенциал, они в состоянии пустить оружие — свою агентуру, аппарат помощников, которые имеются сегодня в любых сферах и эшелонах нашего общества, начиная от академиков и кончая милиционерами, от Священного Синода Русской православной церкви до спортсменов, от военачальников до музыкантов и литературных критиков. При таком аппарате попробуйте развернуть наше общество и нашу партию в том направлении, о котором говорилось в рамках "Демократической платформы".

КГБ сегодня по-прежнему остается самой закрытой организацией в стране. Хотя и там есть мошенники, вымогатели, убийцы, контрабандисты, преступники всякого рода, и об этом должно знать наше общество, потому что любая элитная организация, будь то ЦК КПСС или КГБ, должна быть поставлена на равные начала с любой другой организацией.

Я бы сказал еще о том, что иезуитство, которое характерно для наших высших кругов, как в зеркале, отражается и в деятельности КГБ. Сколько было сказано слов с трибуны, причем руководителями Комитета госбезопасности, о том, что у нас нет никаких досье на советских граждан, что у нас нет никакого подслушивания советских граждан! Тем не менее смотрите: Верховный Совет рассматривает вопрос о подслушивании. Какое подслушивание? О чем речь-то идет? Ведь, если верить руководству КГБ, нет никакого подслушивания!

А возьмите недавнее сообщение Прокуратуры СССР. Это же посмешище для тех, кто знает, что это такое! Когда товарищей Гдяна, Иванова и примкнувшую к ним Корягину обвиняют в том, что они распространяют слухи о пороках и негативных действиях руководства и лично Горбачева. И, как сообщается, проверкой, проведенной в Прокуратуре, КГБ и МВД, ничего подобного не обнаружено.

Уважаемые товарищи! Ничего подобного обнаружить невозможно, потому что этого не может быть никогда! По инструкции ЦК КПСС ни один правоохранительный орган не имеет права держать, собирать, накапливать какую-либо негативную информацию о номенклатурных лицах в партийных и советских органах. Поэтому любое появление такой информации исключается. Откуда могут возникнуть, извините, какие-либо материалы на этих и каких-то других лиц в архивах КГБ, МВД или Прокуратуры?

Я недавно был у одного из заместителей председателя КГБ, он же начальник контрразведки СССР. Правда, пришел он на эту должность в шестьдесят с лишним лет, никогда не работая в контрразведке, но, я думаю, время еще есть — научиться. Я его предупредил, что, коль скоро мои высказывания и соображения не получают выхода на общественность, я использую другие каналы. А он мне в ответ с улыбкой, очень вежливой и симпатичной, говорит: "Олег, а ты не боишься, что подумают, что у тебя с головкой не все в порядке?" Вот она, психология сегодняшних руководителей, готовых распространять любую ложь, дискредитировать любого, в том числе и народных депутатов, которые ведут себя не так, как кому-то хотелось бы, которые не устраивают либо партийную верхушку, либо аппарат КГБ.

Андрей Дмитриевич Сахаров как-то сказал, что КГБ — единственная организация, которую почти не затронула коррупция. И действительно, если брать масштабы взяточничества и прочего, КГБ — относительно здоровая организация. Хотя я упомянул, что и там есть и воры, и убийцы, и вымогатели, и рэкетеры современного типа. Но гораздо страшнее, что нынешний КГБ за последние 10—12 лет породил целую "плеяду" предателей и изменников, подпадающих в любой цивилизованной стране под соответствующие уголовные статьи, изменивших Родине, ставших перебежчиками за границей либо арестованных в Москве за шпионаж в пользу ЦРУ и других разведорганов. За все предыдущие 50 лет в истории чекистских органов такого не было. Так что же это, как не разложение?

Конечно, в происшедшем отразились реалии нашего общества. Но это отражение и той системы анкетного, блатного и "позвоночного" права набора в органы. И партийный аппарат, начиная с самой верхушки и вплоть до среднего звена, сегодня пронизывает всю структуру КГБ. Налицо взаимопроникновение, сращивание партийного аппарата с КГБ.

Никто в нашей стране не несет ответственности ни за развал экономики, ни за конфликты на межнациональной почве, ни за хаос, ни за другие безобразия. Также не несет ее и КГБ.

Более того, процветают лица, которые были непосредственными руководителями предателей и изменников. Они сегодня пошли резко вверх, стали заместителями председателя, начальниками контрразведки и разведки. Эта система круговой поруки, всепрощенчества и партийной ласки до сих пор царит в КГБ, особенно в руководящем звене. Это же свои бывшие партийцы, как их можно обидеть?!

Я хочу напомнить вам фразу из песни, которую наши отцы-основатели пели с большим энтузиазмом, песни о том, что они умрут за власть Советов. Прекрасный лозунг — умереть за идею! Это свободный выбор свободного человека. Но мы этот лозунг трансформировали не в "умереть за идею", а "убить за идею". Вот во что превратилось в конце концов наше общество, которое за идею стало отправлять и в ссылку, и на каторгу, и под расстрел миллионы и миллионы собственных граждан. Пока мы не объявим античеловечной любую практику

расправы (я уж не говорю об убийстве) за идеи, до тех пор ни наше общество, ни какое-либо другое не могут быть здоровыми.

Я предлагаю деполитизацию органов КГБ, подчинение их органам Советской власти; полную реорганизацию и сокращение минимум на 50%; ликвидацию системы политического сыска; отказ от платных осведомителей, особенно в процессе политической борьбы; политическая полиция не должна заниматься ничем, кроме борьбы со шпионами и теми организациями, которые проповедуют насилие против конституционного строя. Я предлагаю ликвидировать незаконную практику подслушивания, перлюстрации корреспонденции, негласного вторжения (кстати, об этом до сих пор никто не говорил) в жилища граждан для совершения тех или иных акций. Наконец, расформирование структур, которые занимаются подготовкой дезинформации внутри страны и за границей, ликвидацию потенциала (а такой потенциал имеется в КГБ), наносящего ущерб здоровью и жизни граждан.

В заключение хотел бы сказать следующее. Когда-то императрица Екатерина Вторая заметила: доверяйте только тем людям, кто имеет мужество вам перечить. К сожалению, наши руководители больше, видимо, оглядываются на "Краткий курс", чем на историю. И в этом, считаю, их трагедия.

Недавнее выступление Лигачева на Крестьянском съезде есть отражение того, что XXVIII съезд может повернуться в сторону Лигачева, и тогда Михаил Сергеевич может оказаться в изоляции. Мне кажется, что, отвергая протянутую ему руку со стороны демократических сил, он рискует не только личным будущим, но и будущим нашей страны.

Вот, в сущности, то, что я хотел сказать вам о своей позиции, кстати, разделяемой некоторыми работниками КГБ.

О.Д.Калугин

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Кажется, Наполеону приписывают хлесткие, как пощечина, слова: "Революцию замышляют герои, делают дураки, а плодами ее пользуются сволочи".

Эта эпатажирующая характеристика глубинного среза революционного процесса не выглядит старомодной, с какой бы исторической колокольни мы ее ни рассматривали.

Независимо от нашего отношения к Ленину сегодня многие согласятся, что он и его когорта принадлежали к числу героев, озаренных великой мечтой о всемирном братстве. Бессребреники, они были разными людьми, но их объединяла искренняя вера в посюсторонний рай, страстное желание сделать сказку былью. Их коммунистический идеал — царство свободы, справедливости и разума, — вырос на почве европейской философии, но он же нес на себе глубокую печать библейских пророчеств о неминуемом пришествии Спасителя и грядущем Избавлении. Этот сплав футурологической мысли и сокровенных чаяний народа стал мощным катализатором в мобилизации масс на разрыв со старым миром бесправия и унижения, он же обеспечил их поддержку на многие годы, пока был жив мессианский дух социальных преобразований, пока плоды революции были очевидны, пока партия, которая взяла на себя обязательство привести народ к вратам рая, пользовалась доверием.

На пути к светлому будущему ленинская гвардия не раз оступалась, и не всегда ее поступки совпадали с намерениями, но история едва ли вправе отказать большевикам в честности и нравственном максимализме.

Трагической фигурой представляется сегодня Дзержинский, выделявшийся своей суровой непреклонностью и в то же время обостренным чувством справедливости. "Железный" Феликс вошел в народную память как гроза контрреволюции, но он же был и защитником обиженных и обездоленных. Чекисты старшего поколения, многие из которых сложили свои головы на плахе сталинской бойни, и молодежь, пришедшая в органы на волне XX съезда партии, жили и работали по завету своего первого руководителя: "Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к людям, уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце".

В 1918 г., когда возглавлявшаяся им ВЧК в условиях хозяйственной разрухи и накала классового противостояния ставила на первое место "самую живую отзывчивость к каждому делу, где попорана справедливость", она демонстрировала не столько свою приверженность провозглашенным партией лозунгам, сколько понимание настроений и надежд, с которыми народ связывал революцию.

Как и Ленин, Дзержинский был подчас жесток в своей решимости подавить сопротивление противников новой власти, но даже в самое суровое время он говорил о недопустимости "разрастания" чрезвычайных комиссий и выходил в ЦИК с предложением о роспуске их низовых звеньев.

В январе 1920 года ВЧК постановила прекратить применение высшей меры наказания к врагам Советской власти ввиду "...разгрома контрреволюции внутри и вовне". Позже, в письме к Уншлихту Дзержинский писал: "Высшая мера наказания — это исключительная мера, а поэтому введение ее как постоянного института пролетарского государства вредно и даже пагубно".

В 1921 г. в приказе ВЧК за подписью Дзержинского указывалось: "Массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при изменившейся обстановке Чека будет

только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных”.

Мало кто знает, что в 1918 г. в центральном аппарате ВЧК работало всего 120 сотрудников, включая технический персонал, а в 1919 г. — около 500. Тяжелый меч диктатуры опустился на Россию лишь тогда, когда в стране был развязан кровавый террор. К концу гражданской войны ВЧК насчитывала десятки тысяч бойцов в центре и на периферии. 27% ее составляли рабочие, почти половину — служащие и учащаяся молодежь. 436 сотрудников были выходцами из дворян, 112 — из священнослужителей.

Резкое увеличение штатов ВЧК, обусловленное реальными потребностями того времени, не могло привести к их засорению псевдореволюционными элементами, приспособленцами, карьеристами и просто мерзавцами.

Из опубликованных недавно в нашей печати документов видно, что уже в начале 20-х годов в недрах чекистских органов зарождалась темная, страшная сила, превратившаяся десятилетия спустя в “бронированный кулак” диктатора. Уже тогда наиболее совестливые сотрудники ВЧК предупреждали, во что может выродиться карательный орган, в котором коммунист, лишенный права не только свободно говорить, но и свободно, индивидуально мыслить, перестает быть человеком.

Беспокойство по поводу возможного перерождения ВЧК в охранку разделяли и некоторые руководители революции, лучше других осведомленные о негативных аспектах ее деятельности.

Очевидно, по этой причине их голоса становились все слышнее по мере того, как вырисовывалась перспектива стабилизации положения в стране. Не полагаясь полностью на способность ВЧК самостоятельно справиться со своими проблемами, Ленин в 1921 году рекомендовал “возложить ответственность за недонесение дефектов и неправильностей ВЧК на Наркомюст”. В том же году, несмотря на труднейшую международную и внутреннюю обстановку, когда вопрос о том, кто кого, еще не был снят с повестки дня, когда реставрация прежнего режима путем заговоров и мятежей еще оставалась ощутимой реальностью, Ленин, выступая на IX Всероссийском съезде Советов и

отмечая заслуги ВЧК перед революцией, заявил: "Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти..., тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков".

В резолюции, принятой по этому вопросу, съезд поручил пересмотреть Положение о ВЧК и его органах в "направлении сужения их полномочий и усиления начал революционной законности". В той же резолюции подчеркивалось, что "укрепление Советской власти вовне и внутри позволяют сузить круг деятельности ВЧК и его органов".

Ленинским указаниям не суждена была долгая жизнь.

Чудовищные репрессии, обрушившиеся на наш народ в 30-е годы, стали одновременно и причиной и следствием резкого увеличения карательного аппарата: подготовка к массовым репрессиям вела к росту его численности, который, в свою очередь, приближал бедствия и беззакония — пружина стремилась разжаться. Вместе с системой ГУЛАГ органы НКВД в предвоенные годы превратились в империю беззакония и страха, не имеющую параллелей в истории. Они подмяли под себя все учреждения и ведомства, вооруженные силы, общественные организации и саму партию, оруженосцем которой они номинально являлись.

После Ленина только Хрущев осмелился поднять руку на жандармскую касту, возрожденную системой произвола и личной власти, только Хрущев, какими бы соображениями он ни руководствовался, решился раскрыть преступления бериевских подручных. По его инициативе аппарат госбезопасности был существенно сокращен, функции его ограничены или переданы другим правоохранительным органам. Эти новации дорого обошлись Никите Сергеевичу, но они стали прецедентом, приоткрывшим путь к созданию подлинно правового, демократического государства.

Временщики, поставившие у руля Брежнева, быстро забаррикадировали щель, образовавшуюся в цитадели казарменного социализма по вине легкомысленного Хрущева. Достойные продолжатели дела Иосифа Виссарионовича, они поспешили соорудить пьедестал для культа нового вождя, пусть не столь

кровожадного, обставить его, как и в былые времена, всеми аксессуарами тоталитарной власти. Признательность зодчего застоя своему медоточивому окружению была безмерной. Щедрой рукой, запущенной в народный карман, он одаривал номенклатурную челядь всем, чего она только желала. Так постепенно образовался порочный круг оторванных от народа, ни перед кем не ответственных, попустительствующих друг другу руководителей, приведших страну на грань катастрофы.

В конце 70-х годов на одном ведомственном юбилейном торжестве при весьма узком составе участников Ю. Андропов выступил с речью, в которой, в частности, сказал: "Это великое счастье, товарищи, что партию нашу и государство возглавляет Леонид Ильич Брежнев". Слова эти не предназначались для публикации, и, вполне возможно, председатель КГБ был искренен в своем откровенном признании в любви к увядавшему лидеру, тем более что уже после его смерти на Пленуме ЦК Андропов славословил усопшего в не менее красочных выражениях.

Думается, Андропову было за что хвалить Леонида Ильича: при нем, с его благословения органы госбезопасности полностью отреставрировали механизм подавления, частично демонтированный Хрущевым; при нем они не только восстановили утраченные после XX съезда позиции, но и набрали огромную силу и влияние, выходявшие за рамки их официального статуса; при нем КГБ получил щедрые ассигнования, позволившие перевооружить и заново оснастить технические службы, возвести десятки новых административных зданий в Москве и на периферии. Как из рога изобилия, на сотрудников КГБ посыпались ордена и медали, сотни полковников стали генералами, а четверо из них даже генералами армии — прецедент, не имеющий себе равных в истории полицейских служб мира.

Сам Андропов был мастером компромисса, талантливым выпускником аппаратной школы, умело лавировавшим между реальными потребностями общества и прихотями Суслова и Брежнева. Он остро чувствовал конъюнктуру и попеременно выступал в роли то либерала, то консерватора. Он мог поддер-
жать товстоноговского "Балалайкина и К^о", когда спектакль

был на грани запрета, но он же выступил за лишение гражданства Ю. Любимова, когда тот не подчинился диктату надсмотрщиков от культуры. Андропов был против ввода советских войск в Афганистан, но он стал одним из главных организаторов афганской авантюры, и вклад его ведомства в затянувшуюся на многие годы трагедию не менее весом, чем боевые действия на чужой территории так называемого "ограниченного контингента". Андропов был против физического уничтожения политических оппонентов, но он довел до совершенства аппарат политического сыска, сделавшего моральный террор нормой. Именно на годы председательства Андропова в КГБ приходится расцвет диссидентства в стране и судебный произвол в отношении инакомыслящих. На то же время приходится и массовый исход интеллигенции, и изгнание из страны — это милосердие тиранов, ударившее по цвету советской культуры, и невиданные по масштабам и беспардонности злоупотребления психиатрией.

При Андропове органы КГБ проникли практически во все поры нашего общественного организма, во все сферы жизни. Без них не принималось ни одно крупное решение во внутренней и внешней политике, судьбы миллионов людей зависели от информации, которой КГБ манипулировал по своему усмотрению.

Особенно пагубную роль сыграло некомпетентное вмешательство КГБ в дела культуры, искусства, науки, религии, спорта. Под предлогом "защиты советской интеллигенции от подрывных акций спецслужб противника и находящихся на их содержании центров идеологической диверсии" органы госбезопасности проводили тотальную проверку на предмет выявления лояльности к Советской власти тысяч работников умственного труда.

Поводом для таких проверок служили доносы о критических высказываниях в адрес отдельных руководителей или порядков, царивших в наших ведомствах, сетования по поводу житейской неустроенности, ограничений на выезды, дискриминации при приеме на работу.

Сейчас некоторые историки поражаются уровнем осведомленности Сталина о состоянии дел в советской литературе.

Наивно, однако, думать, что природное дарование или любознательность были главной причиной его познаний в этой области. Как и все стремившиеся слыть просвещенными деспоты, наш "Чингисхан с телефоном" черпал обильную информацию о своих подданных из многочисленных досье своей "черной канцелярии". Бериевское ведомство аккуратно собирало все, что касалось видных деятелей советской культуры: творческие планы, встречи и беседы с друзьями, сильные и слабые стороны, политические позиции. Отчеты обо всем этом попадали на стол Сталину, получали соответствующую оценку, а затем трансформировались через партийные органы в указания и решения, имевшие далеко идущие последствия как для судеб людей, так и для культурной политики всего государства. Список лиц, находившихся под особым присмотром госбезопасности, составил бы не один десяток страниц. Были в нем и "подозрительные на причастность к агентуре иностранной разведки" Эренбург, Пастернак, Ахматова, "злостные антисоветчики" Берггольц, Эфрос, Козинцев и многие другие и поныне здравствующие знаменитости.

Не любивший читать "литератор" Брежнев ослабил железную хватку и контроль над духовной жизнью общества, но введенный однажды механизм тайного надзора за потенциальными смутьянами продолжал по инерции безотказно действовать.

Думается, не только страх перед вольномыслием побуждал КГБ бесцеремонно вторгаться в частную жизнь многих ученых и писателей, музыкантов и художников, спортсменов и служителей церкви.

Наша печать писала о "культе посредственности", который складывался в стране в семидесятых — начале восьмидесятых годов, когда на руководящие посты выдвигались по принципу личной преданности и оттеснялись люди со способностями и собственным мнением, когда политические, деловые, моральные качества ряда руководителей, в том числе высшего ранга, формировались под влиянием и в окружении беспринципных карьеристов, разложившихся людей.

Эти "баловни судьбы" редко интересовались политическими убеждениями интеллектуальной элиты. Их раздражала незави-

симось, отчужденность недоступной их пониманию среды, всегда сторонившейся пылких объятий аппарата. С помощью же КГБ они как бы проникали в творческую лабораторию и личную жизнь художника, приобщались к его таланту и возвышали тем самым свое "я". Они испытывали немалое удовлетворение, если "звезда" мировой величины вдруг оказывалась на уровне их представлений о порочной природе человека ("Он такой же, как все!"). Еще бы, разве не щекочут нервы подробности любовной связи знаменитого поэта с журналисткой из Мексики или роман не менее знаменитой балерины с итальянским актером! А какая досада охватывала контролеров из КГБ, когда известный академик говорил не менее известному писателю: "Пойдем, друг, побеседуем лучше на свежем воздухе!"

Позволив КГБ обращаться с гражданскими правами своих соотечественников как с пустыми декларациями, партийно-советская верхушка позаботилась о том, чтобы оградить себя непроницаемой завесой от всевидящего ока своих линкертон. Согласно утвержденным в брежневские годы инструкциям, любые поступающие в КГБ негативные материалы, касающиеся определенной номенклатуры должностных лиц, подлежали немедленному уничтожению. Таким образом, фактически выводилась за рамки закона широкая прослойка руководителей. Малейшая попытка дать ход полученным материалам расценивалась как проявление беззакония, стремление "поставить органы над партией". Эта извращенная форма презумпции невиновности номенклатуры имела тяжелые последствия для всей страны. Любому человеку ясно, что существует прямая связь между преступлениями, совершенными руководящими партийными и советскими кадрами в Москве, Узбекистане, Казахстане и других регионах, и индальгенцией, дарованной им сверху в соответствии с духом и буквой упомянутых инструкций.

Одним из неизбежных последствий непомерного роста влияния госбезопасности стало болезненное, почти параноидальное пристрастие нашей бюрократии к секретности. За два десятилетия, предшествовавших перестройке, инстанциями с подачи КГБ было принято несколько постановлений об

ужесточении режима секретности в стране. Под грифом "совершенно секретно" шли практически все документы партаппарата, начиная от проектов резолюций партийных пленумов и конференций и кончая решениями о местах и времени проведения субботников. Горы материалов ТАСС, иностранные журналы и газеты, книги "неблагонадежных авторов" хранились в специальных секретных помещениях. Перечень Главлита, равно как и недоступность большинства архивов, убивал желание любого исследователя заниматься серьезным научным трудом.

В ведомствах один за другим создавались режимные отделы и управления. Под предлогом секретности зачастую скрывались серьезные провалы в работе, разгильдяйство, некомпетентность, расточительство, создавались искусственные препятствия, пагубно отражавшиеся на развитии экономики, тормозящие научно-технический прогресс. Для усиления режима безопасности на границе у колхозников были изъяты сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Яхты и парусники перестали бороздить морские просторы. Пропускная система превратилась в абсурд, когда проход в гостиницу приравнивали к посещению военного объекта.

Унизительная процедура ограничений и запретов господствовала во всем, что было связано с выездом советских граждан за рубеж. В собственной стране советские служащие имели право встречаться с иностранцами только вдвоем. Побывавшие в гостях у иностранцев не могли ответить взаимностью у себя дома.

Что бы ни говорили сегодня об Андропове его апологеты, он никогда не был демократом. При нем общество жило в атмосфере запуганности внешним врагом, шпиономании, подозрительности в отношении каждого, кто вел себя неординарно, выделялся своими суждениями и внешним видом. Маразм достиг апогея, когда истребители ПВО расстреляли пассажирский авиалайнер, заподозренный в шпионских намерениях, а на улицах начали отлавливать граждан, выбежавших в рабочее время купить кусок колбасы в магазине. Страна приближалась к последней черте.

И вот грянула перестройка. Значение ее для раскрепощения духа народа огромно, может быть, в чем-то сравнимо с фев-

ралем 1917 года, именно с февралем, потому что он не решил до конца вопрос о народовластии, не обеспечил перелома в экономике, породил нетерпимость и новые антагонизмы. Но февральская революция разогнала царскую охранку, освободила людей от страха, открыла невиданный в России простор для плюрализма политических мнений и течений.

Наша перестройка началась неспешно. На первых порах ее руководители говорили скорее о преемственности, чем о разрыве с прошлым. Это потом она набрала скорость, приобрела звонкий голос. Но вот уже позади пять лет, налицо признаки растущей озлобленности, апатии, безверия. Призраки прошлого, инерция покоя и окостеневшие структуры по-прежнему довлеют над нами, тянут назад в трясиину застоя.

Партия оказалась фактически расколотой, потеряла авторитет и доверие народа, но сохранил силу и власть страж партийной олигархии — КГБ, связавший свою судьбу с консерваторами. Для внешнего мира он чуть поддурманил свое лицо. Он, как и профессиональные партаппаратчики, твердит о том, что страна наша неуклонно движется по пути создания правового государства, расстается с прошлым, включилась в строительство европейского дома, набирает очки в мировом обществе.

Действительно, мы, кажется, распрощались с представлением о собственной державе как очаге и бастионе социалистической демократии. В Верховном Совете немало сказано слов о необходимости привести законодательство Союза в соответствие с международными нормами. Уже который месяц на подходе законы о выездах за границу, о милиции, поправки к Основам уголовного судопроизводства. Принят закон о печати. Регулярно публикуются материалы комиссии Политбюро о репрессиях тридцатых — пятидесятых годов. (До шестидесятых — восьмидесятых комиссия, видимо, доберется к концу века.) Газетные страницы, как будто соревнуясь с Невзоровым, пестрят уголовной хроникой, перемежаются мрачными прогнозами грозы отечественной мафии Гурова и выдержанными в более мажорных тонах интервью Бакатина. На пятом году перестройки на свет проклюнулся и КГБ. А в последние шесть месяцев он стал заявлять о себе как никогда громко. Дня не

проходит, чтобы то там, то здесь не появилась статейка о славных чекистских делах. Тут и иконы, и антиквариат, и наркотики. Где-то в Череповце захватили 16-летнего рэкётира, в Караганде совместными усилиями с милицией задержали главаря банды, у которого обнаружили 264 бутылки водки и приспособления, необходимые для производства хмельного зелья. Каким-то боком чекисты попали в аферу с АНТом, хотя неясно, были они его спонсорами или душителями. Открыли подъезд на Лубянке для встреч прессы с любезным генералом Карбаиновым. Не скупятся на интервью и высшие руководители КГБ, выступающие ныне за общечеловеческие ценности, ради которых они не жалеют живота.

Новый облик КГБ, столь усердно навязываемый обывателю, как-то не вяжется с поразительной скромностью госбезопасности в освещении кровавых событий в Сумгаите, НКАО, Тбилиси, Баку, Фрунзе. Чем занимались там армия и войска МВД, известно всем, а какую роль играли органы КГБ, как пытались предотвратить беспорядки, что делали для урегулирования межнациональных раздоров, как защищали безопасность народа, республики, страны?

Судя по мелькнувшему в печати сообщению, накануне тбилисской расправы, в апреле прошлого года в грузинскую столицу прибыл специальный отряд КГБ из Москвы. Неужели эти люди занимались лишь скрытой киносъёмкой бойни на площади?

Как ни странно, это было, кажется, единственное упоминание о каком-либо участии КГБ в конфликтной ситуации. А ведь стране гораздо важнее знать не о карагандинских самогонщиках и московских проститутках, а о том, насколько надёжно жизнь ее граждан, равно как и стабильность в обществе обеспечивается организацией, не устающей рекламировать свои добродетели.

Невольно закрадывается мысль: а не перепрофилировал ли КГБ свою основную деятельность, не занимается ли и он конверсией?

Плакальщики по "твёрдой руке", не желающие поступаться принципами, могут спать спокойно.

Великий англичанин Джонатан Свифт писал почти триста лет назад: "Люди, в течение продолжительного времени привыкшие к притеснениям, постепенно утрачивают самое понятие о свободе... Отсюда проистекает и слабость духа, которой могут быть подвержены как целые государства, так и отдельные лица".

Неосталинисты, лихорадочно вербуемые неискушенных юнцов под свои знамена, кажется, не осознают или не хотят понять, что столь любезная им система, создававшаяся десятилетиями каторжным трудом миллионов, вовсе не сломана. Отпали лишь некоторые внешние, наиболее уродливые ее атрибуты и проявления. Сегодня уже невозможно представить нашу страну оруэлловскими тремястами миллионов — и все на одно лицо. Мощный прорыв в духовной жизни общества очевиден, но вся инфраструктура власти — неприступная крепость, возведенная в сталинские времена, не только сохранилась, но даже окрепла.

Как и во времена самой жестокой диктатуры, мы живем в государстве, напоминающем огромный лагерь, на тысячи километров опоясанный колючей проволокой. На 73-м году Советской власти численность наших славных пограничников, по официальным данным, в семь раз выше, чем в начале 30-х годов, когда Советский Союз находился во враждебном окружении в единственном числе. Внутренние войска, приписанные тогда к ОГПУ, составляли 17 тысяч штыков, и это спустя десять лет после гражданской войны, а ныне МВД подтягивает свои войска к 500-тысячной планке.

Едва ли многим известно, что количество милиционеров в Москве и Ленинграде превышает численность полиции во всей Итальянской республике — одной из самых сложных стран в Европе с криминальной точки зрения. Кстати, численность полиции в Нью-Йорке — огромном многонациональном конгломерате составляет лишь 28 тысяч человек, а вместе с органами ФБР — около 30 тысяч. У нас же, как сообщалось недавно в "Правде", более 20 тысяч милиционеров ежедневно дежурят в торговых точках, продающих спиртное.

Что касается собственно КГБ, то это особый разговор. Штатное расписание оперативного и технического персонала органов войск КГБ пока остается государственной тайной, хотя в части, касающейся пограничников, хватило кивка согласия М. Горбачева, чтобы председатель КГБ Крючков огласил бывшую дотеле секретную цифру на заседании Верховного Совета СССР. Известно тем не менее, что численность органов госбезопасности далеко превзошла довоенный уровень.

Равнение на США как на главную державу капиталистического мира сыграло немалую роль в разбухании аппарата органов КГБ. Чтобы убедить вышестоящие инстанции в необходимости увеличения численности КГБ, делались ссылки на опубликованные в США данные, раскрывающие суммарную стоимость содержания всех разведывательных и контрразведывательных служб (свыше 20 миллиардов долларов в год) и общее количество работающих в них военных и гражданских лиц (около 200 тысяч). По понятным причинам никто не желал расшифровывать эти цифры, ибо тогда выяснилось бы, что 3/4 так называемых сотрудников спецслужб — это солдаты, матросы и вольнонаемные, разбросанные по всему свету от Австралии до Гренландии и обслуживающие технические средства перехвата в воздушной, морской и космических средах, что соотношение специалистов и технических служащих в отличие от нас составляет примерно 50 на 50, что на аналитической работе в западных спецслужбах занято во много раз больше людей, чем у нас, что, наконец, их зарплата минимум в пять раз больше нашей и соответственно содержание их аппарата на порядок выше нашего.

Штатным излишеством в КГБ и других правоохранительных органах, несомненно, способствовали и соображения внутреннего порядка. Они базируются на ложной посылке, согласно которой борьба с противником и преступностью зависит, главным образом, от численности и материальной оснащенности органов, а не от прогресса в экономической и социальной областях, в укреплении правовой и общей культуры населения.

Дело, однако, не только в численности КГБ. По сравнению с вооруженными силами — это микроорганизм. Но он

порождает такие импульсы, которые способны создавать микроклимат.

Обслуживая прежде всего правящую партию, а точнее — ее руководителя, ибо органы госбезопасности всегда были инструментами личной власти, они отражают волю лидера, его умонастроения. Но они же и подпитывают его своей "эксклюзивной" информацией, формируют его представления об окружающем мире, людях, событиях.

В последнее время усилились разговоры о необходимости реформ в КГБ. Подготовлен законопроект по этому поводу, но из него следует, что КГБ полностью сохраняет свою структуру и функции в том виде, в каком они существовали и пять, и двадцать лет назад.

В убористом, на двадцати страницах тексте излагаются статус и назначение КГБ, содержание его деятельности, права.

Как явствует из документа, КГБ по-прежнему остается органом тотального надзора за государственной, экономической и общественной жизнью страны, осуществляющим координацию и контроль над всеми организациями в области обеспечения государственной безопасности. Поскольку понятие государственной безопасности в законопроекте не расшифровывается, толковать его, очевидно, тоже будет КГБ.

Удивительно, что почти половина документа посвящена перечислению прав КГБ, в том числе права подслушивания, доноса, содержания конспиративных помещений и вторжения в жилые помещения граждан "в случаях, не терпящих отлагательств". Ни слова об обязанностях. Например, уважать честь и достоинство человека, соблюдать гражданские права и т.п.

Когда читаешь документ, кажется, что его авторы живут не в наше время, мыслят в лучшем случае категориями эпохи холодной войны. Впрочем, есть одно заметное новшество: выпала не только руководящая и направляющая роль партии, но даже и ее упоминание. А ведь во главе КГБ стоит член Политбюро ЦК КПСС! Вот уж поистине загадка!

С точки зрения правовой, законопроект просто несостоятелен. Это скорее положение о ведомстве, которое сегодня носит название КГБ. В нем отсутствует концепция государственной безопасности в ее современном, политически и юридически обоснованном толковании.

Впрочем, для рядового гражданина закон о госбезопасности — это кот в мешке. Он чувствует на собственной шкуре, всем своим нутром, что всеилию органов не видно конца. И действительно, основа, содержание работы, дух этих органов сохранились в первоизданном виде до наших дней. Во многом они заимствованы из арсенала царской охранки, ее документов и наставлений. Это политический сыск, борьба с инакомыслием. Если говорить точнее, это вербовка агентуры в стане политических противников; это засылка в их ряды своей агентуры из числа симпатизирующих и сочувствующих; это дискредитация активистов движения; это нейтрализация движения в целом и это его разложение как конечная цель, как конечный итог всей деятельности.

Все это делается, разумеется, при неустанном внимании Коммунистической партии Советского Союза, вернее, под руководством ее Политбюро и отдельных секторов Центрального Комитета, которые всю жизнь, несмотря на смену поколений, ведут эту деятельность, причем все, от Ежова и кончая Крючковым, — выходцы из аппарата, они были и остаются частью системы, которую наша современная идеологическая мысль назвала командно-бюрократической. Фактически же мы имеем дело с партийно-полицейской системой, выросшей из сталинской партийно-полицейской диктатуры. Да, сегодня это именно партийно-полицейская система, в которой первичные партийные органы, о роли которых так много говорят наши партийные руководители, есть не что иное, как поставщики дани для содержания партийного аппарата. А реальная власть находится в руках высшего руководства ЦК, его бюро. И первым пособником, его правой рукой по-прежнему является Комитет государственной безопасности.

Если кто-то думает, что новое лицо КГБ проявляется в его участии в борьбе с организованной преступностью, он ошибается.

Структуры КГБ не приспособлены к этой работе, а наспех созданные подразделения не знают материи, которой им надо заниматься.

Вот почему сегодня органы в какой-то мере деморализованы. Представьте себе ситуацию: партия 70 лет неустанно

обновляла лозунг о борьбе с международным империализмом. ВЧК, НКВД, КГБ расшифровывали это как борьбу с иностранными спецслужбами, враждебной эмиграцией, троцкистами, маоистами, масонами, клерикалами, "Радио Свобода", другими организациями и группами — в зависимости от капризов, причуд и грамотности наших партийных руководителей.

Сегодня партия отбросила многие обветшалые лозунги, провозгласила примат общечеловеческих ценностей. Так что же делать в этой ситуации организации, которая десятилетиями занималась определенными объектами и манипулировала огромным контингентом внутри страны и за границей? Чем ей заниматься? "Радио Свобода", представителей которого мы приглашаем сегодня в Москву? Ватиканом, куда мы послали своего посла? Контршпионажем, если господин Колби, бывший директор ЦРУ, сейчас обсуждает в столице СССР проблемы взаимодействия между спецслужбами СССР и Соединенных Штатов?

Кстати, нет ничего предосудительного в том, чтобы такое сотрудничество налаживалось и развивалось, но все это неизбежно привело к расслоениям и деморализации внутри аппарата, который привык мыслить стереотипами, который всю жизнь совершенствовал приемы борьбы со всяким инакомыслием, со всякими противниками власти, прежде всего партийной власти.

В этой ситуации часть работников КГБ, незначительная его часть — это все-таки военная организация, — заняла левые позиции, многие из них молчат, но еще большая часть ушла вправо. Она по сути своей и является опорой консервативных сил в стране, и прежде всего в партийном аппарате. В принципе, в этом нет ничего удивительного: органы госбезопасности, как и любые органы правопорядка, по природе своей консервативны, ибо они призваны защищать режим, обеспечивать безопасность правящей элиты.

Но то, что является достоинством в условиях относительного покоя, может стать серьезным тормозом для демократизации страны.

Как и в сталинско-брежневские времена, рука и тень КГБ присутствуют всюду.

Его аппарат помощников и поныне действует во всех эшелонах власти, во всех сферах жизни общества — от академиков до милиционеров, от Священного Синода до спортсменов, от восначальников до музыкантов и литературных критиков.

Да, сегодня не сажают за политические анекдоты, не расстреливают по сфабрикованным "компроматам", но убить репутацию человека, лишить доверия в глазах вышестоящих и уважения в глазах окружающих, обрезать ему возможность продвижения по службе или уволить чужими руками под благовидным предлогом, и проделать все это тайно и безнаказанно, рядясь в случае чего в одежды некоего "компетентного органа", — это КГБ может, и даже очень может. Для этого достаточно пустить в ход набор привычных, заимствованных у предшественников отмычек: составить "черные списки" связей облюбованного объекта травли, через них с помощью платных и идейных помощников распространить слух о его профессиональной непригодности или психической неустойчивости, подозрительных на шпионаж контактах с иностранцами и симпатиях к сомнительным инородцам, нелояльных высказываниях о перестройке и первом секретаре обкома, наличии у него любовницы или постыдной перверсии, запойного пьянства или баловства с наркотиками. Для пушей убедительности можно устроить скандал в гостинице или на улице, доставить нечестивца в милицию в "состоянии алкогольного опьянения" или с подсунутой марихуаной в кармане, направить анонимку в партком от группы "возмущенных рабочих" или подготовить пасквиль для послушной газеты.

КГБ до сих пор сохраняет паразитическую способность плодить недругов своей собственной организации и, что еще хуже, — Советской власти. Делается это, конечно, не по злему умыслу, как не делают умышленно рецидивистов в исправительно-трудовых учреждениях МВД. Такова система, сложившаяся психология ее хранителей.

Дух этой системы хорошо выразил начальник КГБ по Белгородской области генерал Власов: "Я умру, но не допущу прихода к власти Демократической платформы", — заявил он во время кампании по выборам делегатов на XXVIII съезд КПСС.

При таком подходе к перестройке попробуйте развернуть наше общество и партию в том направлении, о котором многократно говорил Горбачев, но которое фактически на каждом шагу искривляется его оппонентами.

Теперь, когда партия обнажила многие свои язвы, когда пресса нещадно палит по МВД и армии, которые пусть вынужденно, но открыли свои беды народу, КГБ остается самой закрытой организацией, хотя и там были мошенники и вымогатели, убийцы и контрабандисты, преступники всякого рода. И об этом должно знать наше общество.

Иезуитство, которое характерно для наших высших кругов, как в зеркале, отражается и в деятельности КГБ. Сколько было сказано слов с трибун, причем руководителями Комитета госбезопасности, о том, что у нас не ведут досье на советских граждан, что у нас не практикуется подслушивание. Тем не менее Верховный Совет принимает закон о подслушивании. О чем речь? Ведь нет никакого подслушивания, зачем этот вопрос обсуждается в Верховном Совете? Это же абсурд. Но мы продолжаем жить в этом абсурде.

Посмотрите на недавнее сообщение Прокуратуры СССР, в котором Гдяна, Иванова и примкнувшую к ним Корягину обвиняют в том, что они распространяют слухи о пороках партийного руководства и лично Горбачева. Прокуратура торжественно объявила, что произведенной проверкой в КГБ и МВД никаких предосудительных материалов о руководстве не обнаружено. Такая информация рассчитана на простаков. По инструкции ЦК партии ни один правоохранительный орган не имеет права собирать, накапливать и хранить какие-либо негативные материалы о номенклатурных лицах в партийных и советских органах. Неприкрытая ложь сквозит и в словах генерала Карбаинова, который заявил в телепрограмме "Резонанс", глядя честными глазами на миллионы зрителей, что КГБ не имеет никакого отношения ни к психиатрическим больницам, ни к преследованию кришнаитов. Недавно автору этих строк пришлось побывать у заместителя председателя КГБ, начальника контрразведки. На эту должность он пришел в шестьдесят с лишним лет, никогда ранее не работая в контрразведке, но время еще есть — научится. Так вот он

предупредил с вежливой и приятной улыбкой, что, когда сам автор будет пытаться выйти со своими мыслями из стен КГБ, не подумает ли окружение, что у него не все в порядке с головой. Вот она, психология сегодняшних руководителей, которые не отрешились от старых методов и приемов, которые готовы распространять любую ложь, дискредитировать любого, кто ведет себя не так, как бы хотелось КГБ или партийной верхушке.

Андрей Дмитриевич Сахаров как-то сказал, что КГБ — единственная организация, которую почти не затронула коррупция.

Действительно, у нашего населения сложился определенный стереотип блюстителя порядка — милиционера-мздоимца, пособника уголовных преступлений.

Действительно, взяточничество и подобные правонарушения не характерны для КГБ. Но самое страшное — другое. В последнее десятилетие органы КГБ породили в собственной среде целую "плеяду" изменников Родины — перебежчиков и шпионов, составляющих львиную долю всех осужденных по подобного рода делам лиц. Такого позора чекистская история не знала.

Аура таинственности и секретности, окружающая и поныне деятельность КГБ, предназначена, в основном, для внутрисоюзного потребления. На Западе его секреты доступны всем.

Было бы несправедливо возлагать вину за происшедшее целиком на КГБ. Как и армия, органы госбезопасности — плоть от плоти народа, они же и носители всех достоинств и пороков нашего поколения. Им не чужды благородство помыслов и беспримерное ханжество, неоглядная смелость и холопское послушание, беспредельная преданность и самое низкое предательство. Но в отличие от армии и МВД комплектование офицерского корпуса КГБ предполагает особо тщательную селекцию, благословение партийных пастырей, их неустанный контроль за поведением своих питомцев.

На деле все это оказалось фикцией. На деле КГБ с тех пор, как он попал под крыло председателя — члена Политбюро,

оказался вне контроля. Отсюда безответственность, вседозволенность и преступления.

В любой сфере служебной деятельности за систематическими провалами в кадровой политике следуют оргвыводы. В КГБ ничего подобного не произошло. Там по-прежнему царит брежневский дух всепрощенства по отношению к "своим" — круговая порука, прикрываемая мнимой заботой о людях, там упрямо замазывают глубокие трещины на своем фасаде, замечают острейшие проблемы под ковер, подальше от бесстыжих наскоков одуревшей от гласности прессы. По-прежнему роль надзорных органов — Верховный Совет пока не успел проявить себя в этом качестве — сведена на нет. И, как в былые времена, невозмутимо гарцуют на белом коне, без покаяния и прощения, обласканные аппаратной кастой рыцари ордена храмовников — око государево, оплот тоталитарного мышления, опора сил инерции и ценностей уходящей в историю эпохи.

Отцы-основатели нашего государства, творцы революции, верившие в конечное торжество справедливости, были готовы умереть за идею, за власть Советов. Продолжатели их дела произносили как клятву слова: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. И они умирали стоя. Но и тех, кто на коленях молил о пощаде, безжалостно пускали в расход. Сталин и его наследники трансформировали призыв "умереть за идею" в "убить за идею". Они предали революцию, обманули надежды и чаяния великого, доверчивого народа. Они сделали и делают все, чтобы этот обман не раскрылся.

Для того, чтобы разрушить систему лжи, механизм торможения происходящих в стране революционных процессов, необходимо привести в соответствие с требованием времени все его составные части. Этот нелегкий процесс начался, но он, по сути, не затронул КГБ, несмотря на его широковещательные уверения в обратном.

Стране нужен критический, откровенный и открытый анализ деятельности КГБ в недалеком прошлом и трезвое осмысление того, с чем имеет дело наше общество сегодня, с каким багажом оно двинется вперед по пути обновления.

Нужна большая политическая смелость и дальновидность, чтобы преодолеть привычку опираться на институты власти, по

необходимости приспособляющиеся к новой обстановке, но не воспринимающие ее своим нутром.

Нужна, наконец, политическая воля и искренняя вера в народовластие, чтобы передать щит и меч революции из рук партократии избранникам народа, инкорпорировать КГБ в правовую систему государства на паритетных началах с другими правоохранительными органами.

До тех пор, пока это не сделано, призрак тайной силы, способной в любой момент вернуть страну в прошлое, будет витать над обществом, вселять страх в души людей, на долгие годы отдалять их освобождение от крепостных пут казарменного социализма.

Сегодня наш народ имеет исторический шанс вернуться к идеалам и ценностям, сгинувшим в пучине безверия и цинизма, вывести страну из тупика на новые, более светлые рубежи. Чем смелее мы будем освобождаться от пут и завалов прошлого, тем быстрее наступит время, когда былые страхи и подозрительность в нашей жизни уступят место подлинной радости свободного творческого труда, когда доверие к людям обернется еще большим доверием народа к своим руководителям.

Июнь 1990

ИНТЕРВЬЮ. СТАТЬИ. КОММЕНТАРИИ.

Генерал-майор Олег Калугин:

"КГБ ПОКА НЕ МЕНЯЕТ ПРИНЦИПОВ..."

(*"Комсомольская правда"*, 20 июня 1990 г.)

Этого человека хорошо знают в "определенных кругах". Досье на него заведены в ЦРУ, Интеллидженс сервис, ДСТ и других разведках мира. Теперь с ним впервые познакомимся и мы. Генерал-майор Олег Данилович Калугин — в прошлом один из руководителей советской разведки в США, бывший начальник управления внешней контрразведки ПГУ КГБ СССР.

— Олег Данилович, как становятся резидентом советской разведки в Америке ?

— Я закончил филфак Ленинградского университета по специальности английский язык. После университета был взят на работу в КГБ. В 1958 году поехал на стажировку в Колумбийский университет (США). Это был первый послевоенный обмен между СССР и США на волне хрущевской оттепели.

— Вы были единственным сотрудником КГБ в этой делегации ?

— Отнюдь. Но я хочу сразу предупредить, видимо, в нашем разговоре такие моменты возникнут еще не раз, есть ситуации, в которых я не могу называть цифр, фамилий, конкретных обстоятельств. Я хоть и нахожусь в запасе, но тем не менее

являюсь профессиональным разведчиком и имею определенные обязательства перед страной и той организацией, в которой я работал. Надеюсь, вы меня поймете...

Так вот. По возвращении из США я был сразу же направлен в Комитет по радиовещанию. А затем через восемь или девять месяцев под "крышей" Московского радио поехал снова в Нью-Йорк. Четыре года я, как мне кажется, успешно совмещал журналистскую и разведывательную деятельность.

— Кстати, эти два вида деятельности совмещают все наши журналисты, работающие за рубежом?

— Нет, конечно. Среди журналистов не так уж много сотрудников КГБ. Другое дело, что многие помогают нам, выполняя некоторые наши поручения, так сказать, внештатно... Ну вот, в 1964 году я вернулся в Союз. Решено было сменить мне "крышу" на более надежную. И через год я вернулся в США уже с диппаспортом в качестве второго, а потом и первого секретаря посольства СССР в Вашингтоне. Был заместителем резидента советской разведки в США, а когда резидент уехал — довольно длительное время выполнял его обязанности.

— Чем занимается советский резидент в США?

— Надеюсь, вы понимаете, что об этом я сейчас могу говорить лишь в самых общих чертах. В обязанности резидента входит координация работы наших агентурных сетей...

— Вы сказали "сетей"?

— Да, их несколько. Разведуправление КГБ состоит из трех основных подразделений: политической разведки, научно-технической разведки и внешней контрразведки. Каждое имеет свою агентурную сеть и свои объекты работы. Скажем, объектами внешней контрразведки являются ЦРУ, ФБР, Управление национальной безопасности и т.д. А вот госдепом занимается уже политическая разведка. Резидент координирует работу всех этих сетей, сортирует и анализирует информацию. Ведь, в принципе, сбор информации, составление прогнозов о событиях, которые могут отразиться на нашей стране, — основная задача разведки. Естественно, эта информация черпается не только из газет. Зачастую мы ее получаем за деньги. В бюджете КГБ предусмотрена соответствующая статья валютных расходов.

— За время работы в Комитете госбезопасности у вас ни разу не возникали сомнения в правоте того дела, которому вы служите?

— Признаться, первый раз меня это сомнение посетило в 1968 году. Я тогда уже выполнял обязанности резидента. Из Москвы мне прислали телеграмму о том, что завтра состоится вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Давалась установка приготовиться к возможной негативной реакции, кое-какие мелкие инструкции и указание ознакомить посла. Я был шокирован. Примерно такая же реакция была и у нашего посла Добрынина. Между тем в моем распоряжении имелись абсолютно надежные документы американской разведки, Пентагона, госдепартамента, которые подтверждали, что никакого участия ни ЦРУ, ни другие американские ведомства в подготовке чехословацких событий не принимали. Более того, они были даже застигнуты врасплох масштабами происходящего. И я как резидент информировал об этом свое руководство еще до вторжения. Но самое потрясающее, когда я через год приехал в отпуск в Москву, то узнал, что руководство КГБ распорядилось никому не показывать мои послания и уничтожить их.

— Судя по тому, что вы решились на этот разговор, это не последнее ваше разочарование?

— После окончания работы начальником управления внешней контрразведки я был направлен первым заместителем начальника УКГБ в Ленинграде, где составил себе достаточно полное представление о деятельности органов госбезопасности внутри страны. И пришел к твердому убеждению, что если мы хотим серьезно заняться перестройкой, то не можем опираться на методы организации, которая проникла во все поры нашего общественного организма, которая вмешивается по воле партии в любые дела государственной и общественной жизни, экономики и культуры, науки, спорта, религии. Да нет ни одной сферы жизни, в которой не присутствовала бы рука или тень КГБ. Все разговоры о новом лице КГБ, на мой взгляд, пока не более чем камуфляж. Я имею все основания утверждать, что в основе деятельности органов госбезопасности лежит старая сталинская выучка. Методика осталась во многом та же, что и 30, и 50 лет назад. С момента появления и по сей день органы

госбезопасности выполняют функции политического сыска. Меняются только его объекты. Сперва были меньшевики и эсеры, затем троцкисты, зиновьевцы, космополиты, националисты, клерикалы, кришнаиты, неформалы и, наконец, стачкомы и новые политические партии.

— А нельзя ли поподробнее о том, какими методами работает КГБ, скажем, со стачечным движением?

— Да теми же, что и все полиции мира. Вербовка либо засылка в организацию своей агентуры, дискредитация активистов движения и, в конечном счете, разложение его изнутри. У нас ведь до сих пор активно используются составленные при начальнике царской охраны Зубатове наставления по работе с агентурой. Это изумительный документ, в котором в полной мере учтено то, что мы сегодня называем человеческим фактором: "Если вы хотите иметь хорошего агента, надо заботиться о его здоровье, семье, помогать продвинуться по службе... Офицер полиции должен заменить ему и мать, и отца..."

— Подобная работа оплачивается?

— У нас есть две категории нештатных помощников: агенты, которые дают соответствующие подписки и получают регулярно вознаграждение за работу, и, так сказать, доверенные лица, которые не имеют перед органами формально каких-то обязательств. Их услуги могут оплачиваться достаточно тактично, скажем, ценный подарок ко дню рождения, помощь в получении квартиры...

— Уж коли зашла речь об охранном отделении, то в его арсенале, помнится, были не только методы подрыва изнутри, но и создание целых организаций, работающих в нужном направлении...

— Не беспокойтесь, с этим у нас тоже все в порядке. Когда в начале 80-х годов любители рока заполонили ленинградскую эстраду, по инициативе КГБ был создан в городе рок-клуб. С единственной целью: держать это движение под контролем, сделать его управляемым.

— Скажите, а приходится ли органам КГБ испытывать какие-либо материальные затруднения?

— Нет, подобных проблем у КГБ никогда не было. Я не могу назвать вам сумму нашего бюджета, но поверьте: и

рублей, и долларов мы получаем из государственной казны столько, сколько попросим.

— А кто утверждает бюджет КГБ?

— В ЦК партии, причем на уровне высшего руководства.

— Численность органов КГБ вы тоже назвать не имеете права?

— Да, но могу сказать, что она огромна и совершенно несоизмерима с уровнем внешней опасности или угрозой государственной безопасности внутри страны. В одном лишь центральном аппарате в Москве, насколько мне известно, работает гораздо больше людей, чем во всей системе ЦРУ и ФБР вместе взятых.

— Действительно ли в КГБ заведены досье чуть ли не на каждого человека?

— Досье — это термин из шпионских кинофильмов. А вот то, что на миллионы советских и иностранных граждан существуют материалы, это правда. Они группируются в определенных "делах". И я мог бы перечислить сейчас добрую сотню известных всей стране людей, на которых собраны такие "материалы". Эта практика началась еще в 1918 году.

— Осуществляет ли КГБ подслушивание телефонных разговоров?

— Законом это запрещено. Но я, будучи первым заместителем начальника ленинградского КГБ, мог санкционировать прослушивание любого телефона. Но должен заметить, что дело это достаточно дорогостоящее.

— А может ли кто-нибудь, ну, скажем, обком партии, попросить КГБ подслушать чей-то телефон?

— Однажды ко мне обратился с такой просьбой секретарь Ленинградского обкома. Я ему тогда отказал. Но не исключаю, что в других местах могут пойти навстречу...

— Существует ли в КГБ практика политических убийств?

— Не знаю, как сейчас, но некоторое время тому назад еще существовала.

— Простите за прямоту, а вам самому в бытность резидентом приходилось осуществлять или планировать подобные операции?

— Я знал о них...

— Скажите, а существуют у нас в стране зоны, закрытые для КГБ?

— Мне, по крайней мере, известна только одна такая зона: запрет на сбор и хранение любой негативной информации на номенклатурных работников. Когда я, скажем, работал в Ленинграде, у меня был специальный список этих лиц: секретари обкома партии, председатель Ленсовета и его заместители, даже, кажется, секретари обкома комсомола туда входили. В общем, вся руководящая верхушка...

— А от кого исходил этот запрет?

— Я, кажется, уже упоминал в нашем разговоре, что единственная организация, которая может давать какие-либо указания КГБ, — это ЦК партии. Я в данном случае не знаю, как точно именуется соответствующий документ, подписанный на Старой площади — секретная инструкция или закрытое постановление, — но в КГБ он трансформирован в служебную инструкцию. Там сказано, попытаюсь по памяти воспроизвести: запрещается проводить любые оперативные мероприятия в отношении... И дальше идет перечень должностей. Затем: в случае получения негативных материалов в отношении этих лиц они должны уничтожаться немедленно на месте. То же самое, если подобные материалы попадают к нам косвенным путем. Ну, например, если в магнитозаписи телефонного прослушивания случайно проскакивает хотя бы упоминание о таком лице, то это место на пленке должно быть немедленно стерто. Поэтому мне очень смешно было читать сообщение Прокуратуры СССР о том, что по заявлениям Гдляна и Иванова о высокопоставленных взяточниках она произвела дополнительную проверку и не обнаружила никаких подтверждающих материалов. Да не могла она их обнаружить, их в природе просто не существует. В свое время Н.С. Хрушев заявил, что органы встали над партией и это недопустимо. Верно, но с одним небольшим уточнением. С тех пор из-под контроля органов выведена не партия, а лишь ее руководящий аппарат.

— Применяет ли КГБ те формы работы с политическими противниками, о которых вы упоминали, в отношении нынешнего депутатского корпуса?

— Когда дело касается структур, оппозиционных КПСС, то тут, по крайней мере до последнего времени, все ограничения снимались. Не важно, что это: межрегиональная депутатская группа или какая-нибудь неформальная молодежная организация. Не важно, кто этот человек: член Верховного Совета СССР или рядовой колхозник. В ход может пускаться весь имеющийся арсенал, все, что способно дискредитировать и опорочить людей, ведущих себя не так, как кому-то бы хотелось. Я уж не говорю о дискредитации Ельцина и Гдляна. Незадолго до I съезда народных депутатов СССР на одном из закрытых совещаний в КГБ руководством давались по этому поводу прямые установки...

— Правда ли, что в составе КГБ существует специальное подразделение, занимающееся распространением дезинформации?

— Да, такое подразделение действительно есть. Оно-то как раз и занимается дискредитацией отдельных людей и организаций, распространением анонимных листовок, ложных слухов. Под определенную версию подбираются, например, материалы и подсовываются западному корреспонденту, а потом мы читаем этот материал в наших газетах со ссылкой якобы на иностранные органы печати.

— Каково ваше мнение о роли КГБ в разгроме АНТ?

— КГБ немало способствовал появлению и укреплению АНТ, ведь там есть и здоровые, болеющие за интересы страны силы, и в то же время — парадоксальная ситуация — стал его могильщиком. То, что разоблачение АНТ инспирировано органами, — несомненно. Я лично усматриваю тут два варианта. Либо это результат нескоординированности или соперничества разных подразделений внутри КГБ, что крайне маловероятно, либо, что скорее всего, здесь завязаны противоборствующие политические силы. Вы знаете, на каком высоком уровне была санкционирована деятельность АНТ, и теперь прикиньте, каков должен быть уровень, позволяющий подключить КГБ к ее пресечению. В итоге — подножка правительству, а страна не получает импортных товаров на 35 миллиардов рублей. Вот вам цена политических игр.

— Каким же образом должен, по-вашему, быть реформирован КГБ?

— Прежде всего его надо деполитизировать. Госбезопасность должна — и будет — заниматься своим делом: защищать Конституцию и стабильность государственного устройства, безопасность граждан. А когда КГБ, как, впрочем, и любая другая полиция влезает в политику, то он неминуемо становится инструментом в руках различных групп и партий.

— И в заключение. Вы прогнозируете, какими будут для вас лично последствия этой публикации?

— Безусловно, неприятности меня ждут. Какого рода, пока сказать не могу...

— Неужели с вашим опытом это так сложно предвидеть?

— Знаете, эта организация достаточно творческая и изобретательная... Но и я не исчерпал своих возможностей.

Беседу вели *И. Сичка, А. Цацуев*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Наш собеседник сидел в заваленной письмами редакционной комнате, мы несколько часов подряд забрасывали его вопросами, высыпая из диктофона садившиеся батарейки. Нам давно не хватало такого собеседника. Да, мы защищали (и защитили) парня, которого исключили из комсомола, притесняли в армии за то, что "доверенное лицо" — приемщица фотоателье — доложила "куда надо" о том, что на проявленной пленке он сфотографирован "под панка" — это 1988 год. Мы нашли в Баку энергетика телецентра, высказавшего версию: блок питания взорван, возможно, и не "экстремистами" — год 1990. Мы не раз говорили — еще перед XIX партконференцией — о необходимости деполитизации правоохранительных органов. Но разрозненные факты, рассыпающаяся порой информация на этот раз косвенно или прямо подтверждались профессионалом. Профессионалом признанным, со своей точкой зрения, которая будет, видимо, оспариваться, но — надеемся — тоже профессионалами, а не лицами с единственным угрюмым аргументом: "Вы вбиваете клин между органами и народом".

Система социального страха входила в систему "социального обеспечения". Мы понимали, что зависим не только от легального закона, но и от кадровика-отставника, от "объективки", не высказанного вслух неизвестно кем, но витающего в воздухе мнения. "Личное дело" было не личным, а наши поступки — это предполагалось — могли не оцениваться, а "профилактироваться" до их совершения, хотя не имели отношения к УК РСФСР.

Умный человек как-то сказал: "Общество вправе требовать от своих членов тот уровень смелости, безопасность которого может обеспечить". При системе неявного, но шкурой ощущаемого контроля уровень смелости на душу населения, смелости мышления и поведения мог быть лишь убогим. Парадокс: от существования где-то под боком дышащей машины "органов" было чувство не безопасности, а страха.

Наш собеседник не назвал для публикации фамилий и цифр. Мы понимали — он исходит из интересов страны. Так же, как исходит из интересов страны, вскрывая систему, мешающую созданию гражданского общества. В тот день, когда мы слушали генерала, Съезд народных депутатов РСФСР принял за основу "Декрет о власти", в котором сказано: "В РСФСР не допускается система партийно-политического руководства... в правоохранительных органах, КГБ..." Декрет еще не Конституция, но уже есть надежда — общество может требовать иного уровня смелости от своих граждан...

Д. Муратов,
член редколлегии "Комсомольской правды"

"ОТКРОВЕННОСТЬ ВОЗМОЖНА, ЛИШЬ КОГДА ЗА ТОБОЙ ЗАКРОЕТСЯ ДВЕРЬ"

ГЕНЕРАЛ КГБ О КГБ

(*"Московские новости"*, 24 июня 1990 г.)

Пять лет назад к руководству страной пришли новые политические силы. В той или иной степени это сказалось на всех государственных структурах, в том числе и на КГБ.

— Безусловно. Любые резкие перемены в обществе неминуемо затрагивают органы, охраняющие государственный строй. После февральской революции, например, новое правительство уже в марте полностью распустило царскую охранку, ликвидировало политический сыск. После прихода к власти Хрущев поднял руку и на органы: существенно сократил штаты, урезал многие функции. Некоторые изменения очевидны и сегодня, и об этом немало написано. И все же КГБ остался наиболее неприкасаемым в сравнении с тем, что обрушилось на МВД, прокуратуру. Комитет сохранил практически нетронутыми структуру и тот мощный потенциал, которые десятилетиями были главной опорой советских диктаторов. И через пять лет перестройки это — государство в государстве, орган, наделенный колоссальной властью, теоретически способный подмять под себя любое правительство. В его руках правительственная связь, погранвойска, разведка, контрразведка и военная контрразведка, следственные подразделения, масса

технических служб. Комитет практически имеет собственную, хоть и специализированную армию: военно-строительные войска, пограничные войска плюс войска правительственной связи. Председатель КГБ остается членом Политбюро, а это значит, что и после отмены 6-й статьи Конституции верхушка компартии была и остается главным и эксклюзивным потребителем информации, которой располагают органы.

— Но то, что мы привыкли называть словом "комитет", — это прежде всего люди, они живут не изолированно от общества, переживающего ломку стереотипов, демократические процессы.

— И неминуемо в КГБ отслоилась определенная часть людей, радикально мыслящих, готовых к реформам. Их не так мало. Но речь идет все же о военной организации со строгой системой подчиненности. Всего лишь несколько попыток сотрудников комитета опубликоваться на вполне невинные темы привели к изгнанию этих людей. Типичный пример: сотрудник комитета, написавший в журнале "Коммунист" о необходимости переосмысления режима секретности в новых условиях, был вынужден уйти за несколько месяцев до получения звания полковника...

— Означает ли это, что костяк комитета настроен достаточно консервативно?

— И это логично. Пять лет назад Горбачев провозгласил приоритет общечеловеческих ценностей, отказался от старых стереотипов и идей. Но на эти старые стереотипы, провозглашенные той же партией, работала масса сотрудников комитета. Партия говорила: "международный империализм". КГБ расшифровывал: иностранные разведслужбы, эмигрантские враждебные организации, центры идеологических диверсий, международный сионизм, Ватикан, радио "Свобода". На разработку этих направлений были задействованы целые структуры комитета. И было ясно, кто враг. Теперь — общечеловеческие ценности... А что делать с Ватиканом, со "Свободой"? Что делать людям, на глазах которых рушатся привычные стереотипы? В такой ситуации либо наступает деморализация, либо включается сопротивление. Последнее неминуемо перерастает в определенную политическую

философию — консервативную. Хотите пример? Не так давно на практике одного из подразделений КГБ под гром аплодисментов осуждали Рыбакова, Шатрова, Гранина как отщепенцев, превозносящих предателей и ползучую контр-революцию.

— С писателями, я надеюсь, мы больше бороться не будем. Пресловутое идеологическое пятое управление больше не существует.

— Знаете, в связи с активизацией забастовок, стачек было указание руководства комитетов, требующее обратить внимание на рабочее движение и проникнуть в него. Должен сказать, что опыт царской охранки по работе в политических организациях, ее подходы, система работы с агентурой не канули в Лету. Я бы не удивился, если бы узнал, что и сегодня неформальные организации пронизаны агентурой КГБ. Этим занималось бывшее пятое управление КГБ. Не думаю, однако, что комитет полностью отказался от этих функций — их можно передать другому управлению...

— Но совсем недавно бывший руководитель управления по защите конституционного строя на страницах "МН" заявил, что они не занимаются никакими неформалами...

— Совсем недавно начальник управления правительственной охраны Плеханов по телевидению сообщил, что в количественном отношении наша система охраны уступит многим странам. Вся наша система госбезопасности, начиная с охраны и кончая политическим сыском, в десятки раз больше, чем в любой западной стране, даже в США. Только один отдел охраны в нашем управлении, состоящем из нескольких отделов, может насчитывать более тысячи человек. В США после убийства Кеннеди потребовалось специальное решение конгресса (1963 г.), дабы увеличить на пару сотен человек охрану, которая до этого была порядка 500 человек. Это число включает и охрану Белого дома, и специальных агентов, заботящихся о безопасности президента и членов его семьи, а также бывших президентов и их семей.

— Ну хорошо. Нам, несведущим, можно преподнести любую информацию, даже искаженную: все съедем, потому что проверить не можем. Но, надеюсь, своего основного, во всяком случае до последнего времени, потребителя — высшую

номенклатуру — комитет, обеспечивал объективной информацией?

— Во всяком случае, о сознательной дезинформации "верхов" по каналам КГБ мне неизвестно. Но интерпретация информации возможна, как возможно и ее уничтожение на уровне комитета. Я приведу вам примеры из собственной практики. Не секрет, что КГБ играл существенную роль при принятии многих внешнеполитических решений. Это относится и к событиям 1968 года в Чехословакии. Именно комитет нагнетал страх в руководстве страны, что если мы не примем экстренных мер, то Чехословакия уйдет, станет жертвой НАТО, захвата, переворота... Приблизительно в это же время я прислал из Вашингтона документ, в котором сообщал, что ЦРУ не имеет отношения к "Пражской весне". Но объективная информация попросту не вписывалась в ту концепцию событий, которую разрабатывал комитет, а посему выхода из его стен и последствий не имела.

— А информация, которая идет по стране?

— Здесь свои сложности. В 1983 году, когда я был заместителем начальника КГБ по Ленинграду, в городе произошла небольшая забастовка на одном из заводов. По тем временам чрезвычайное происшествие, о котором нужно было немедленно информировать руководство комитета в Москве. Я подготовил текст телеграммы. Неожиданно позвонил Романов: "Что вы там отправили в комитет?" Я зачитал ему текст. Он: "Немедленно изымите телеграмму у шифровальщиков. Теперь возьмите карандаш, я продиктую вам текст телеграммы". Я подчинился, хотя романовский текст, прямо скажем, мало соответствовал положению вещей. Вообще должен сказать, что, как правило, секретари обкомов, как, впрочем, и наши послы за границей, стараются, чтобы их информация совпадала с информацией КГБ. Иначе в центре логично возникают вопросы: что там происходит, почему не могут найти общий язык?

— Такое ощущение, что созданная система ни в коей мере не гарантирует объективности поступающей информации...

— Вы правы, ложь заложена в самой системе, поэтому я и настаиваю, что информационная служба должна быть компактной и абсолютно независимой от политических трений и давлений. Ее дело — докладывать факты, исходя не из того,

нравятся они высшему руководству или нет. Ведь в конце концов от этого зависит принятие государственных решений.

Сейчас некоторые вещи просто смешно вспоминать.

Из нашей информации о реакции общественности на XXVI съезд партии мой почти 70-летний ленинградский начальник выкинул фразу о том, что народ все одобряет, но беспокоится: не слишком ли старовато руководство...

— Любопытно, какими были ваши впечатления, когда после двадцати лет в разведке вы попали на внутреннюю работу?

— ...Это оказалось даже полезным. Многое становится предельно ясно. КГБ, скажем, не имеет права держать компрометирующие материалы на определенный уровень номенклатурных работников. Для местных комитетов это уровень обкома партии. Например, когда Зайков стал первым секретарем Ленинградского обкома, было дано указание начальника КГБ Ленинграда немедленно изъять все материалы, которые касались Зайкова и были в делах, чтобы его имя нигде не упоминалось.

Я прекрасно знал, что в Америке, например, нужна санкция прокурора и суда для подслушивания телефонов. Там просто взять и поставить кого-то "на кнопку" — подсудное дело. У нас, как оказалось, это проще простого. Я как первый зам. начальника ленинградского КГБ мог санкционировать подслушивание кого угодно, кроме, опять же, определенного уровня номенклатуры. Это не значит, что номенклатуру обкома нельзя слушать, если есть такая необходимость. Но тут уже сама партийная власть решает, кого слушать.

— Я часто думаю, в чем причина некоторой идеализации Андропова, сыгравшей столь мрачную роль в борьбе с диссидентами?

— Андропов — неоднозначная фигура. Действительно, с его приходом в комитет борьба с диссидентством шла по нарастающей. Система политического сыска пережила в его бытность председателем период расцвета. Андропов был мастером аппаратной школы. Он умело лавировал между потребностями общества и капризами или прихотями Брежнева и Суслова. Вспоминаю одно совещание в августе 1979 года. Собрались руководители разведки и военной разведки. Обсуждались

события в Иране и Афганистане... Прекрасно помню, что на тезис о возможном военном вторжении с целью оказания помощи Афганистану Крючков, возглавлявший тогда разведку, сказал: "Андропов против нашего военного участия". Шеф военной разведки Иващутин настаивал на таком. Как известно, Андропов впоследствии стал одним из соучастников принятия решения о вторжении. Он не мог отказать Брежневу и своему другу Устинову. В то же время Андропов, например, был противником политических убийств. Он всегда предлагал искать другие способы.

— Наше мнение о разведке носит естественный налет романтизма благодаря книгам, кинофильмам... Трудно, однако, представить, что брежневский период прошел безболезненно для этой сферы деятельности КГБ.

— Брежневский период пагубно сказался и на разведке. Здесь, как везде, шло вытеснение профессионалов партаппаратчиками, расцвело протезирование, появились "позвоночные". Плоды этого мы пожинаем и сейчас. За последние 10 — 11 лет изменило Родине в форме бегства за границу или же перевербовки внутри страны в несколько раз больше людей, чем за всю историю советской разведки с 1920 года. В то же время в ЦРУ, например, изменников, которые работали на СССР, можно пересчитать по пальцам одной руки. Что происходит? Думаю, в какой-то степени это результат разочарования, отражение процесса переоценки ценностей. И второе — слабый человеческий материал, который попадал в разведку по родственным критериям, по звонкам... Я вам приведу пример. Эта история во многом стала причиной моего перевода в Ленинград.

Мы решили отправить молодого выпускника нашего учебного заведения для начала в спокойную скандинавскую страну. Парень был протезе Цинева. Последнего называли целным псом Брежнева в КГБ. Цинев, тогда первый зам. председателя, звонит мне и говорит: мальчик хочет в крупную европейскую столицу. Был конец 70-х. Ситуация в этой стране была тяжелой — незадолго до этого выдворили более сотни советских служащих. Я согласился, но схитрил. Предложил отправить туда парня на самостоятельную работу, со своей

кассой, финансами... Я решил, что если парень толковый, то справится, нет — очень быстро полетит. Так и произошло. Он пробыл там около года. Разворовал возглавляемую им экспортную контору в буквальном смысле слова, вплоть до отвертывания ручек в старинном особняке. Все это он багажом отправлял в Москву. Врал безбожно. Через год, несмотря на высокое покровительство, мы его отозвали в Москву.

— А подобная нечестность в чисто бытовом плане частое явление?

— Не эпизодическое, к сожалению. Я знаю случаи, когда сотрудники разведки злоупотребляли финансами. Ведь определенная часть финансов неподотчетна.

— Скажите, вы 30 лет воспитывались в этой системе и вы же предлагаете ее разрушить. Как это произошло?

— Вы знаете, крупный агент КГБ Маклейн, в прошлом заведомом английского МИДа, на встрече с Крючковым, тогда еще возглавлявшим разведку, сказал: "Народ, который читает каждый день "Правду", непобедим". Согласитесь, есть в его словах злая ирония. Когда людей все время заставляют смотреть в одну сторону, когда они лишены информации, возможности сравнивать, они перестают думать. Информированные люди, информированные разносторонне, неминуемо начинают думать. Это во-первых. Во-вторых, для меня очень болезненным моментом стало убийство "Пражской весны". Я хорошо помню, как пришел к Добрынину и сказал: "Завтра в Праге высадится десант". Мы оба были потрясены этим решением и не скрыли своей реакции... за закрытыми дверями. Я для себя тогда сделал вывод, что любые попытки что-либо изменить в сложившейся системе нереальны. Перестройка дала надежду... Впрочем, тогда же мне и предложили уйти на пенсию.

Наталья Геворкян

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ СВОЮ СУДЬБУ САМ

(“Правда”, 28 июня 1990 г.)

В связи с заявлением Комитета госбезопасности (см. “Правду” от 23 июня с.г.) по поводу выступлений и интервью бывшего сотрудника КГБ Калугина О.Д. корреспондент “Правды” обратился в Центр общественных связей КГБ СССР с просьбой, учитывая многочисленные пожелания читателей газеты, поподробнее прокомментировать эту ситуацию. Тем более, что Комитет госбезопасности обещал дать всестороннюю оценку его высказываний. Вот что сообщили там нашему корреспонденту.

О.Калугин выступает сейчас во многих средствах массовой информации, не только советских, но и за рубежом. Его интервью передавались радиостанцией “Свобода”, Би-би-си, разошлись по другим “голосам”. Появились многочисленные отклики, оценки и комментарии. В них с подачи Калугина много фальши, передержек, создается искаженное представление о перестройке в КГБ, моральных и деловых качествах сотрудников. Это хотелось бы сказать прежде всего.

Сенсационность этим выступлениям придает тот факт, что ранее О.Калугин был на руководящих должностях в КГБ. Но генеральское звание и продолжительность службы, как доказывает сам Калугин, вовсе не означают, что человек говорит правду. Думаем, что утверждения и поступки О.Калугина, которые он прикрывает политическими мотивами, объясняются, главным образом, уязвленным честолюбием. Но это чисто психологический аспект и вовсе не последний вывод.

В марте с.г. ему было предложено уйти в запас, что не часто практикуется в отношении генералов 55-летнего возраста. Сейчас он заявляет, что ушел из КГБ сам. Но это неправда. При увольнении он сказал своему руководителю: “Вы еще об этом пожалеете!” По существу, то же самое он повторил и в интервью газете “Вашингтон пост”: “Шеф делает ошибку, увольняя меня в таком возрасте. Если бы мне было 65 или 70 лет, я бы, возможно, молчал”.

Теперь мы убедились, что свое "прощальное слово" Калугин сдержал. Нам не доставляет удовольствия отвечать на его вымыслы, но мы вынуждены это делать, потому что затронуты честь и достоинство наших работников, которых он в своих выступлениях называет "мошенниками и вымогателями, убийцами и контрабандистами, преступниками всякого рода, рэкетирами современного типа".

Конечно, в работе КГБ есть недостатки, мы их не скрываем. Стремимся работать вместе с общественностью, становимся более открытыми в пределах того, что может раскрыть специальная служба. Мы — за критику с любой стороны, но критику принципиальную, конструктивную. Это очень важно сегодня, когда в комитете происходят глубокие изменения в рамках перестроечных процессов.

В Комитет госбезопасности поступает масса телеграмм. Люди возмущены поступком Калугина и просят рассказать, кто он такой.

Службу в органах госбезопасности О.Калугин начал в 1958 году. В конце 50-х годов в течение года учился в Колумбийском университете США в составе небольшой группы советских стажеров. Затем в 60-х годах работал в США. Знание иностранных языков, умение сходить с людьми помогали ему в профессии разведчика. В этот период он довольно быстро продвигался по служебной лестнице. Особенности характера, как стало ясно впоследствии, не дали Калугину возможности выдержать испытание ответственностью. Слабости профессионального и чисто человеческого плана стали особенно заметны после назначения его руководителем Управления внешней контрразведки. Именно в это время наряду с присущей ему напористостью, что даже подкупало, стали все более отчетливо проявляться его амбициозность, пренебрежение чужим мнением, злопамятность, склонность бравировать связями.

Вы можете задать вопрос: если в КГБ все это видели, почему его держали? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Сейчас ошибки очевидны. Работа у нас чрезвычайно сложная, и от просчетов, в общем-то, никто не застрахован. Все-таки хочется верить в человека, и бывают ситуации, когда только время расставляет все по своим местам. Надеялись, что Калугин

поймет сам, сможет более критично взглянуть на себя, справиться с недостатками. Ему не раз давались советы и высказывались замечания. Но, к сожалению, должных выводов он не сделал. Наоборот, стали все более настораживающими случаи неправильного поведения Калугина, результативность в работе возглавлявшегося им подразделения по пресечению действий спецслужб иностранных государств была низкой. К тому же беспокоила далеко не безобидная утечка информации.

Окончательно привело к выводу о необходимости его замены на посту руководителя внешней контрразведки то, что в результате его некомпетентных, самонадеянных действий был потерян ценнейший источник, работавший в Центральном разведывательном управлении США. Имя этого человека мы пока назвать не можем. Обстоятельства этого дела стали предметом серьезного разбирательства в Комитете государственной безопасности.

Кстати, нетрудно понять, что средства массовой информации при всем уважении к ним — это не тот форум, где уместно в деталях обсуждать конкретные вопросы работы и дела спецслужб. Ведь есть такие категории, как секретность, конспирация, пренебрегать которыми непозволительно никому. Иначе пострадают люди. Думается, что это не требует особых пояснений.

В 1980 году Калугин был переведен на работу в Управление КГБ СССР по Ленинградской области. Сейчас он старается представить дело так, будто причиной его перевода стало заступничество за "невинно пострадавшего" от органов госбезопасности "ученого" К. Это снова неправда. Имеется документ, в котором Калугин собственноручно подтверждает законность осуждения "ученого" за спекуляцию валютой и антиквариатом.

Важно, что управление внешней контрразведки после перемещения оттуда Калугина заработало так, как оно и должно было работать. Перемены не заставили себя долго ждать, и они были просто разительными. За короткий период времени были разоблачены и преданы суду десятки агентов разведывательных служб иностранных государств из числа советских граждан. Об отдельных из них уже сообщалось, о

других — разговор еще впереди. В западных спецслужбах сразу ощутили эти удары советской контрразведки. Мы не хотим сказать, что Калугин имел прямое отношение к случаям предательства, но то, что он не имел никакого отношения к их разоблачению, — это факт.

В Ленинграде Калугину была предоставлена возможность проявить себя на новом участке работы. Этого, однако, не произошло. И здесь он особо не отличился результативностью на служебном поприще. Зато преуспел в другом: в написании "разоблачительных" заявлений, в том числе жалоб на сотрудников КГБ. Эту линию, собственно, он продолжает и сейчас. Калугин приписывает им поступки, которые те не совершали, но приходилось создавать комиссии, вести многомесячные проверки, тратить массу сил и времени.

Сегодня в своих выступлениях Калугин постоянно ссылается на то, что, обращаясь в ЦК КПСС, он неоднократно высказывал претензии к органам госбезопасности, обвинял их в невыполнении задач, нарушениях социалистической законности, норм служебной этики и морали. Да, высказывал. Но в ходе работы компетентных комиссий по проверке его заявления выявлялось совсем противоположное.

Так, например, при его непосредственном участии Гатчинским горотделом КГБ были допущены противоправные действия в отношении лиц, находившихся под следствием городской прокуратуры по делам о хищениях и взяточничестве. В нарушение уголовно-процессуального законодательства подследственных доставляли в горотдел КГБ и здесь в отсутствие следователя с ними проводились беседы с целью склонить их к даче показаний на самих себя и на других граждан. Такие "беседы" нередко велись в течение многих часов, в том числе и в ночное время, без какого-либо процессуального оформления. После того как это было вскрыто, Комитет госбезопасности СССР строго наказал виновных. Соответствующая оценка была дана и действиям Калугина, о чем еще тогда, в 1987 году, были проинформированы все органы КГБ.

Калугин всегда отличался стремлением обзавестись влиятельными связями. Те, кто знал его ближе, не могли не заметить тяги к богемному образу жизни, привычки устраивать застолья, используя служебное положение.

Чтобы разрядить нездоровую обстановку, которая стала складываться в коллективе Управления КГБ по Ленинградской области в связи с поведением Калугина, он был переведен в Москву, где непосредственного отношения к работе оперативных подразделений уже не имел.

Все эти обстоятельства, подчеркнуто халатное отношение Калугина к работе сделали невозможным его дальнейшее пребывание в чекистских рядах. Хотя он пытался откровенно прибегнуть к шантажу, угрожая в случае своего увольнения новыми "разоблачениями", в Комитете госбезопасности на сделку с совестью не пошли. Генерал был отправлен в запас, после чего он и заявил: "Вы еще об этом пожалеете!"

Мы нисколько не жалеем, было подчеркнуто в заключение беседы, что освободились от Калугина. Сегодня в КГБ работают честные, преданные своему делу люди. Они строго выполняют советские законы и ведут далеко не легкую борьбу в интересах безопасности страны. Их жизнь не назовешь спокойной. Она требует постоянного напряжения интеллектуальных, моральных, физических сил, высочайшей гражданской ответственности перед настоящим и будущим. И очень горько, когда среди сотрудников кто-то встает на путь противоправных действий, недостойно ведет себя в моральном плане и тем более идет на предательство.

"Откровения" оказавшегося не у дел генерала, естественно, были с удовольствием восприняты в определенных кругах. "Высказывания Калугина в адрес своего ведомства, — заявил официальный представитель ЦРУ М.Мэнсфилд, — положительно оценены в Центральном разведывательном управлении". Венесуэльская газета "Универсаль", которую не заподозришь в симпатии к КГБ, в свою очередь заметила, что "выступление Калугина больше похоже на признание изменника".

Что ж, каждый волен выбирать свою судьбу сам. Любой человек. Это, кстати, является завоеванием перестройки. Единственное ограничение — требование закона. Для работников спецслужб к этому добавляется служебная тайна и профессиональная этика.

Не только у нас. Во всем мире.

В.Иванов

ФАКТЫ НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫ?

(“Московские новости”, 1 июля 1990г.)

“КГБ СССР даст всестороннюю оценку высказываниям Калугина”, — заявил в минувшую субботу через ТАСС Центр общественных связей Комитета госбезопасности

Это была необычно скоротечная реакция со стороны молчаливого ведомства, каким мы привыкли видеть КГБ.

По-своему приятно — перемены во-он куда добрались. Раздражителем в данной ситуации выступил генерал-майор Олег Калугин, бывший сотрудник КГБ. Публикации его интервью в “Московских новостях”, “Комсомольской правде”, ответы Калугина на вопросы зарубежных корреспондентов, встреча с ним в популярной телепередаче заметно оживили общественную дискуссию о роли КГБ в жизни нашего Отечества.

Если под “всесторонней оценкой высказываний Калугина” в комитете понимают открытую и доказательную дискуссию, столь заинтересованно воспринятую обществом, о необходимости деполитизации госбезопасности, ликвидации политического сыска, сокращении служб КГБ на 50% и, наконец, контроле со стороны парламента, то подобную реакцию нельзя не приветствовать. Мы — за! Однако в заявлении КГБ все очевидное если и не ставится под сомнение, то оставляет ощущение странного недоумения.

“Личность Калугина хорошо нам известна”, — говорится в заявлении. Кто бы стал спорить — человек больше 30 лет в разведке. “Высказывания... вытекают из его поступков... во время работы в органах”. Само собой — за годы службы ни одного порицания. “Знание личных качеств Калугина не оставляет сомнений”. И это понятно: Калугин — кавалер без малого тридцати правительственных наград. Тут бы и поставить точку. Но нас предупреждают, что Комитет госбезопасности намерен вернуться к этому вопросу и более подробно коснуться личности Калугина. Здравомысляя, усомнившись в объективности средств массовой информации, тут бы и уличить их, поставить на место, да и самого Калугина охладить, который

(как явствует из заявления) намерен начать новую "политическую" карьеру. Но у КГБ своя логика, на то он и КГБ. Сначала дезавуировать оппонента, а затем, возможно, через неделю, а может, и через месяц привести факты, разумеется, если они есть. КГБ за продолжение разговора. Мы тоже. Тем более есть что сказать всем желающим: и КГБ, и Калугину, да и нам, грешным. Подождем.

О.В.

...ЕСЛИ РУШИТСЯ ЧЕЛОВЕК

("Смена", 3 июля 1990г.)

1 июля 1990 года в центральных газетах появилось правительственное сообщение: за действия, порочащие честь и достоинство сотрудника КГБ, лишен наград и воинского звания генерал-майор Комитета государственной безопасности СССР Олег Данилович Калугин.

На следующий день после обнародования президентского указа с О.Д. Калугиным встретился наш специальный корреспондент.

— Олег Данилович, что же все-таки подтолкнуло вас к раскрытию секретов ведомства — зависть ли тайная, злоба ль открытая! Вы же не могли не чувствовать, что в итоге это приведет к вчерашнему Указу!

— Начнем с того, что я пока секретов никаких не открыл. Я рассказал то, что известно всему миру и о чем, может быть, догадывается большинство советских граждан.

Что меня подтолкнуло? Я достаточно долго думал перед этим, решение вызревало многие годы и было связано как с моей деятельностью в разведке, так и с работой в Ленинграде. Многие факты были открыты мной впервые так серьезно, и это привело меня к необходимости говорить об этом вслух. После работы в советской разведке за рубежом было просто смешно видеть, чем и как занимается КГБ внутри страны. Вот слова из годового отчета УКГБ по Ленинграду: "В октябре выявлены

жительницы Кингисеппа (...), которые обращаются с письменными заявлениями, минуя местные органы власти, в центральные инстанции и разные организации, требуя улучшения жилищных условий. В случае отрицательного отношения к их просьбам они намерены обратиться в дипломатические представительства". Записанная десять лет назад фраза (я цитировал отчет за 1980 год) меня просто поразила. И этот факт попал в отчет о деятельности огромного аппарата!

Жизнь и судьба людей, их будущее, их надежды разрушаются до сих пор по воле сил, которые внешне даже неприметны. Существует огромный клубок проблем, который в деятельности КГБ играет откровенно отрицательную роль. Несколько месяцев тому назад я написал статью для "Огонька", которая не была опубликована, и там я приводил слова из обращения ВЧК к населению Москвы в восемнадцатом году: граждане Москвы должны знать, что в лице сотрудника ВЧК они увидят людей, которые станут на защиту справедливости, чести и достоинства народа... Справедливость, защита чести и достоинства — где они в работе наших правоохранительных органов?

Ну а поскольку в нашей стране в последние несколько лет события развивались исключительно ускоренными темпами, были обнаружены многочисленные факты, закрытые в прошлом в наших архивах. Было очень много выступлений наших деятелей культуры (а я много читаю — и по необходимости и по привычке), и неизбежно вставал вопрос, может ли организация, которая корнями уходит в далекое прошлое, опираться на старые методы работы, принципы и дух, который у них сохранился? Дух брежневский — в лучшем случае, а то и сталинский, ведь многие из них откровенные сталинисты. Есть, конечно, люди совершенно иные — особенно молодежь — которые чувствуют себя более свободно и более либерально и готовы к каким-то реформам... Вот весь этот набор ситуаций меня привел к выступлению в открытую. Но я смог это сделать, только уйдя в запас. А еще три года назад я направил письмо Горбачеву и предложил преобразовать КГБ из органа партии и инструмента личной власти в нормальное государственное образование. Горбачев ответил лишь через три года, сняв с

меня все государственные награды, ни одна из которых не была получена за перевыполнение пятилетнего плана.

Годы застоя породили огромную армию беглецов, торговавших государственными секретами. Так что информация, которую я якобы разгласил, давно "утекла" вместе с ними. Причем убежал даже помощник Крючкова — специальный человек для закупки дефицита членам Политбюро...

— Вы несколько лет работали заместителем начальника ленинградского УКГБ. Помню, в одном из интервью вы рассказали, что под руководством управления был создан даже рок-клуб. Нельзя ли узнать об этом подробности?

— Я могу сказать, что это нормальная практика политической полиции. Задача органов государственной безопасности — не допустить социальных конфликтов, предотвратить какие-то резкие колебания в режиме общественной жизни, воспрепятствовать межнациональным столкновениям. К сожалению, комитетчики не справились с этим...

— А хотели справиться?

— Конечно, правые силы заинтересованы в том, чтобы расшатывать систему и потом указывать на Горбачева: вот именно он довел страну до ручки!..

В общем, задача КГБ взять ситуацию под контроль. И поэтому управление способствовало созданию не только рок-клуба. Была организована и выставка независимых художников Ленинграда. Причем обком партии из-за своей негибкости был категорически против. И — представляете — нужно было доказать, что все равно выставка где-нибудь состоится, а так у нас будут свои люди, будет информация. То же самое произошло и с писателями — в 85-м году Лениздат выпустил "Круг" — сборник молодых авторов. Писатели жаловались, что им не дают высказаться. Вот взяло УКГБ и договорилось с обкомом: "Давайте сделаем сборничек, пусть ребята успокоятся, порадуются".

— Ходят слухи, что комитет имеет своих помощников и в "Памяти"...

— Есть помощники, конечно, есть. Но КГБ сам никогда серьезно не выступал в поддержку. Но то, что активисты "Памяти" имеют единомышленников в КГБ, — несомненно.

— В Ленинграде была, по сути дела, сорвана демонстрация демократических сил 25 февраля. Кому это было нужно?

— Это было выгодно "органам", которые боялись, как бы ситуация не вышла из-под контроля. С задачей дискредитировать это движение распускались слухи. Кстати, разные слухи могут и правительство залугать, которое под влиянием такой информации пошло на суровые меры. КГБ в состоянии сделать очень многое.

— Говорят, что Ленинградский обком партии обращался накануне 25 февраля за помощью к военным и к Литейному. Означает ли это, что обком был менее осведомлен, чем "органы", и что компартия сейчас в слишком шатком положении?

— Начальник управления КГБ по-прежнему обязан докладывать руководителю обкома партии обстановку. Кстати, это еще одна причина моего выхода на трибуну — если мы хотим говорить всерьез о демократизации, то пора кончать с симбиозом партии и полиции. Пока одна без другой не может. Аппарат не способен управлять ситуацией. Был такой Можаяев — второй секретарь обкома КПСС. Он мне говорит: "Надо подслушать такого-то". Я отвечаю: "Павел Петрович, нет у нас оснований. Существует же серьезный порядок..." Он: "Этот негодяй все время пишет в ЦК, в газеты. Вы заведите на него дело!" Я говорил, что это невозможно. А в других местах творится совершенный произвол — как сказал партийный вождь, так и будет.

Указание к действию может поступить только от партийных органов. На сегодняшний день партия — единственный рулевой и командующий органами КГБ.

— Вы стали сотрудником комитета после окончания Ленинградского университета. Как попадают в штат КГБ? Я знаю, где-то на четвертом—пятом курсе студент приглашается на беседу...

— Да, со мной тоже беседовали. Но я и сам выразил желание. Тогда только начиналась оттепель, и нужно было бороться с остатками тех сил, которые мешали двигаться нашему обществу вперед... Жизнь сложилась неплохо. Был направлен на работу в разведку. Языки я уже знал — английский и немецкий. В разведке еще арабский изучал.

— А люди, которые в народе зовутся "стукачами", — действительно их очень много?

— У каждого работника определенное количество "стукачей"-помощников. Любая политическая служба должна, я считаю, иметь помощников. Конечно, недопустимо, когда сосед стучит на соседа. Но доносительство все еще необходимая работа.

— Скажите, а если всех людей такого рода в Ленинграде усадить в кабинеты на Литейном, 4, им места хватит?

— Ну что вы, что вы... И так там в кабинетах по пять-шесть человек работают.

— Их, наверное, тысяч десять?

— Я не могу раскрывать цифры... Скажем, имеется необходимое количество. К тому же существуют многочисленные технические средства, которые могут заменить людей.

— Как вы себя сейчас чувствуете после этого Указа?

— Конечно, я огорчен. В нашей стране было много таких случаев, и настанет день, когда Указ будет отменен. Я не ожидал такого итога — думал, что это из прошедшей эпохи. Непонятно, как в наше горбачевское время это стало возможным. Остается еще заключить меня в тюрьму. В чем же я опорочил достоинство и честь офицера? В том, что высказал свою позицию и свое мнение?

Наше руководство обладает удивительной способностью наживать себе врагов и плодить проблемы. Не решив ни одной за пять лет, создали еще одну. Татьяна Корягина по этому поводу говорит, что теперь у нас будет народный генерал...

Подтверждается моя мысль, что суть нашего государства не изменилась, наведен только какой-то непонятный грим. Мне приятно, когда на улице подходят люди и жмут руку — они понимают, что общество, живущее пусть даже в "остаточном" страхе, не может быть до конца свободным.

— И самое время спросить о развитии ситуации. Совсем недавно мы опубликовали письма в защиту ЧК. Пришли другие письма — и ни одного против немедленных расстрелов. Что с нами дальше будет, как вы думаете?

— Прогнозировать сложно. То, что в обществе происходит поляризация, — несомненно. Несомненно и то, что партаппарат

пытается взять реванш, и XXVIII съезд может оказаться последним съездом, когда к партии есть еще какое-то доверие. Если съезд повернет вправо, то из КПСС я выйду наверняка...

...Любимая мысль Калугина — из Вознесенского: "Все прогрессы реакционны, если рушится человек". Олег Данилович советует повесить на стены кабинетов больших руководителей этот афоризм. А в конце разговора он объяснил свой поступок словами Мартина Лютера Кинга: "Если вы достигли сорокалетия и, видя творящиеся вокруг безобразия, ни разу не подняли голоса протеста в пользу обиженных и угнетенных, то считайте, что вы как человек духовно умерли. Сообщение о вашей физической смерти последует позже, но уже никого не заинтересует..."

Олег Данилович показывает американский журнал. 1959 год — улыбающийся молодой Калугин и ненамного старше его — посол Александр Яковлев, будущий член Политбюро. 1986 год, вместе с посерьзневшим Яковлевым стоит Горбачев, прилетевший в Канаду. Конечно, Горбачев, главный нападающий в этой игре, не может не признать свою ошибку. Иначе — зачем ему второй Ельцин? Кем стал Борис Николаевич месяц назад, мы знаем. Как знаем то, что стал он Председателем в том числе и благодаря "плюрализму по-президентски". Кстати, и к экс-генералу Калугину уже есть предложение стать политическим деятелем...

Георгий Урушалдзе
(Москва, по телефону)

"СЕГОДНЯ С ЛУБЯНКИ ВИДНА НЕ КОЛЫМА, А СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ"

(“Час пик”, 2 июля 1990 г.)

— Орден Дружбы народов, медали, благодарности и ценные подарки, повышения по службе... И так 14 лет подряд вверх по лестнице, ведущей к высшим эшелонам КГБ. Что же послужило, Юрий Алексеевич, первопричиной увольнения из чекистского ведомства полного сил сорокалетнего подполковника?

Ю. Шутко: Когда в 1983 году я был назначен начальником Гатчинского горотдела УКГБ СССР по Ленинградской области, то первый же анализ общественного мнения показал: гатчинцы убеждены в том, что советской власти в городе нет, она куплена торгашами. Информация, поступавшая в горотдел, подтверждала: ряд руководящих работников правоохранительных органов за взятки помогают торговым работникам ускользать из рук правосудия. И первым среди них был назван старший помощник прокурора города Г. Битарошвили.

Об этом я доложил своему куратору — генерал-майору О.Д. Калугину, первому заместителю УКГБ. Олег Данилович сообщил, начальник управления генерал-полковник Д.П. Носырев, заведующий отделом административных органов обкома партии Г.П. Вошинин, областной прокурор Г.Н. Поруков одобряют борьбу по пресечению коррупции в Гатчине.

Областной суд приговорил Битарошвили за взятки к десяти годам лишения свободы. Широкие горизонты взяточничества открылись по “лесному делу”. Облпрокуратура возбудила уголовное дело № 45019. Тогда и всплыли на поверхность многочисленные факты дачи взяток работникам Гатчинского, Сланцевского, Волосовского лесхозов, Октябрьской железной дороги, Ленлесхозобъединения, всего около 80 человек. В ходе расследования поступили заявления, дающие основания подозревать во взяточничестве первого заместителя председателя облисполкома и одного из секретарей обкома КПСС.

Это и заставило начальника УКГБ всей мощью имеющейся у него власти запретить мне и генералу Калугину заниматься

"лесным делом". Его стали "разваливать" на отдельные уголовные дела, прерывая преступную цепочку коррупции, ибо слишком далеко навверх уходили следы...

— Назовите их поименно, Юрий Алексеевич, пусть народ знает своих "героев".

Ю. Шутько: Первый заместитель председателя облисполкома Р.Э. Прауст. Ныне здравствующий секретарь обкома партии А.В. Павлов.

Павлов уже на третий день своего секретарства велел Г.П. Вошинину вызвать с докладом по "лесному делу" областного прокурора Г.Н. Порукова. Ему было предписано еженедельно докладывать Павлову о ходе работ по делу. И прокурор, бывший партийный работник, не смог противостоять незаконному диктату партийного функционера, курировавшего сельское хозяйство. Так, по требованию обкома были "обрублены концы" этого уголовного дела и большая часть взяточников ушла от ответственности.

Генерал Калугин, пытаясь доказать прокурору области недопустимость выполнения неправомερных указаний Павлова, обострил свои отношения и с генерал-полковником Носыревым и с верхушкой Ленинградского обкома КПСС — выход на верхние коррумпированные круги нам был закрыт. Но генерал Калугин решил не сдаваться: принципиальный человек, профессионал высочайшего класса, он прекрасно понимал, что все дело развалилось в первую очередь благодаря вмешательству члена бюро Ленинградского обкома КПСС, члена коллегии КГБ СССР, 18 лет (почти четыре президентских срока!) возглавлявшего УКГБ генерал-полковника Д.П. Носырева. И тогда О.Д.Калугин в октябре 1986 года обратился с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву.

— Известно ли вам содержание письма?

Ю. Шутько: Генерал Калугин дал мне только в апреле 1989 года прочесть его. Немалое место в нем занимала оценка отношения Носырева к деятельности Гатчинского горотдела УКГБ, активно участвующего в борьбе с коррупцией. Были там и конкретные факты, касающиеся лично начальника УКГБ. Такие, например, что сотрудники управления командировались для доставки из-за "бугра" цветов и фруктов для шефа.

Или почему-то невзлюбил генерал Носырев лайнер ТУ-134 и, когда ему приспичило лететь в отпуск, начальник УКГБ дал команду руководителю управления гражданской авиации снять с заграничного рейса ТУ-154 и перемаршрутировать лайнер в Сочи.

Как объяснили иностранным туристам срыв рейса — представить трудно. Была потеряна и большая сумма в валюте.

По-тихому отправили на пенсию в прошлом году заместителя Носырева адмирала Соколова. ... Таможенная служба проверила в порту каюту работников УКГБ, возвратившихся из заграничного рейса. Туалет в каюте чекистов оказался забитым... контрабандой — видеомангитофонами. Составили акт, пришлось возбудить уголовное дело. И тогда сотрудники "раскололись", заявив, что везли видеотехнику лично адмиралу Соколову.

Естественно, что о письме Калугина Горбачеву узнал Чебриков, Калугин был вызван срочно в Москву, отправлен в отпуск, а в Ленинград выехала комиссия, в которой тон задавал престарелый генерал Толкунов, начальник инспекторского (или, как говорят чекисты, — инквизиторского) Управления КГБ. С первых же шагов этой комиссии стало ясно: в ход пущен старый как мир, но испытанный в КГБ метод — опорочить автора письма.

— Как же шла дискредитация генерала Калугина?

Ю. Штов: Не обошли и меня. Уже при первой встрече Толкунов в присутствии моих подчиненных назвал меня преступником, безобразничающим с благословения Калугина. Увидев, что меня не взять на испуг, пригрозил: "Мы вами еще займемся! Ждите комиссию!" И она не заставила себя ждать. Полковники во главе с сотрудником инспекторского управления Сафоновым не стеснялись: "Нам нужен не ты, а Калугин. Покаяйся, и тебе ничего не будет". Крайне возмущенный этим, я, наплевав на субординацию, на сочном языке отослал всех этих "дознавателей" по давно известному на Руси адресу.

Не знаю, нашлись ли среди ленинградских чекистов те, кто ошельмовал Калугина, но один случай, лично мне известный, расскажу.

...Стою в одном из коридоров Большого дома, курю. Из кабинета заместителя Носырева по кадрам генерала Корсакова

выходит расстроенный начальник одного из районных подразделений.

— Неприятности? — спрашиваю.

— Представляешь, Корсаков "колос" на Калугина. Расскажи, говорит, когда приезжал к тебе в служебное время и на казенной машине Калугин с женщинами, требовал баньку организовать, на охоту свозить...

Я в ответ: "Да что вы, Александр Петрович, не было такого никогда". Брось, говорит, темнить, признавайся, молчание в твоём положении не золото. Мы так все не оставим.

Не удивительно, что при таких методах работы комиссии "генерала от инквизиции", как горько шутили в коридорах управления, "всем известные факты не подтвердились".

Тогда вновь написал Калугин письмо в ЦК КПСС. Повторно вызвал его Чебриков, уговаривал не апеллировать в ЦК. "Ты у нас в 40 лет генералом стал, еще и зампредом станешь. А пока поработай в Академии наук". Через год перевели Олега Даниловича заместителем министра электронной промышленности, а затем, как только исполнилось 55 лет, — на пенсию...

А до этого "разобрались" со мной. Меня обвинили в грубых нарушениях соцзаконности и нормативных актов КГБ СССР.

Я написал короткое письмо секретарю ЦК КПСС А.И. Лукьянову, курирующему органы КГБ, с просьбой принять меня для беседы. Через 2 недели отдел кадров УКГБ сообщил мне, что секретарь ЦК в связи с занятостью принять меня возможности не имеет... А затем 4 июля 1987 года приказом председателя КГБ СССР я был уволен... по служебному несоответствию и переведен в запас Вооруженных Сил.

— Неужели все это делается чекистами с чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой!

Ю. Штук: Партаппаратом разработана целая система воспитания чекистов. И при этом все порочные командные методы, укоренившиеся в КПСС, перенесены в КГБ партфункционерами. Чтобы мне вырасти до начальника отдела, понадобилось 10 лет, а партийные работники, приходя на более ответственные должности, брались, не зная специфики нашей

работы, руководить нами. И это не мешало им стремительно продвигаться по служебной лестнице.

Что привнесли в органы ГБ партийные функционеры? Высокомерие. Грубость. Неуважение к нижестоящим работникам, чиновничье. Часами выдерживать подчиненного в "предбаннике" своего кабинета, уклоняться от принятия самостоятельных решений. А в свои заместители вчерашние обкомовцы непременно берут профессионалов высокого класса. Если успех — заслуга начальника, за неудачу в ответе зам.

Один из многих примеров уровня квалификации партайгеноссе — на документе резолюция: "Договоритесь с прокурором, чтобы проверяемому дали высшую меру".

— Очень часто приходится слышать, особенно на митингах, что КГБ — главный виновник политических расправ "застойных" лет. Согласны ли вы с этим тезисом?

Ю. Штыко: Нет! Разрешите процитировать Ю.В. Андропова: "...усилия ЦК за последние годы направлены к тому, чтобы сделать каждый чекистский орган действительно ИНСТРУМЕНТОМ в руках ПАРТИИ".

По личному опыту знаю, что эти установки партии, закрепленные Конституцией СССР, являлись для чекистов своего рода "библейскими истинами", отражали повседневную реальность. В умы чекистов прочно вбилась догма — "партия всегда права".

Наглядной иллюстрацией может служить такой пример. Да будет известно, что в 1979 году на места было разослано циркулярное письмо КГБ СССР, обосновывающее репрессивные меры в отношении академика А.Д. Сахарова. В документе он изображался ярким антисоветчиком, непримиримым врагом советского строя, доморощенным политиканом, подвизающимся на службе у идеологических диверсантов. Каждый чекист обязывался, используя содержание письма, на встречах с трудящимися разоблачать враждебную сущность академика. На мой недоуменный вопрос один из руководителей Управления ответил, что оценка Сахарову дана ЦК КПСС и мы обязаны доводить ее до людей.

Аппараты КГБ любого уровня находились под жестким контролем и управлением соответствующих партийных комитетов. На практике это проявилось, в частности, в том, что все

регламентирующие нормативные акты КГБ СССР издавались "исходя из", "руководствуясь", "во исполнение" руководящих документов ЦК и его Политбюро. Зачисление на службу, выдвижение на руководящую должность и перемещение с нее по горизонтали или вертикали осуществлялись только по согласованию с партийными лидерами. Руководители-чекисты отчитывались лишь перед высшим партийным звеном, от личного расположения которого во многом зависели оценки их работы, а порой и судьбы. Руководители органов госбезопасности вводились в состав партийных комитетов, участвовали в принятии всех политических решений, срачиваясь с партийной элитой.

И все же в сознание многих чекистов приходит понимание двуличия и порочности авторитарного режима, размывается вера в чистоту внушаемых идеалов. Уже не о святой миссии защиты Родины, не о совершенствовании профессионального мастерства думали капитаны и майоры, а о том, как бы скорее решить проблемы личного благосостояния и сохранить здоровье. Не случайно наиболее популярной темой неслужебных разговоров в чекистской среде было обсуждение — кому сколько времени осталось дослужить до пенсии.

И хотя до сих пор еще кто-то продолжает слепо верить в то, что "партия — ум, честь и совесть нашей эпохи", даже готов подать в отставку, если КПСС утратит право контроля над КГБ, стремительно развивающиеся события последнего времени показывают, что все меньше людей желают остаться заложниками Системы.

Так что, перефразируя на новый лад старую политэковскую поговорку "Из окон Лубянки видна Колыма", сегодня из этих же окон видна только Старая площадь, где заседает штаб партии — ЦК КПСС.

— И последний вопрос, Юрий Алексеевич. Попробуйте спрогнозировать, что могут сделать вам ваши бывшие коллеги, прочтя это интервью?

Ю. Штотъ: И не только мне, но и вам. Во-первых, скомпрометировать. Могут обвинить в измене, как в свое время Носырев обвинил Калугина в том, что тот... агент ЦРУ. Может, доказательства этому и ищет сейчас в стенах Большого дома срочно прибывшая из центра группа чекистов. Понять их судорожную

деятельность по поиску компроматов можно: объявить-то объявили на весь мир Калугина непорядочным человеком, а теперь надо доказывать...

Я бы попросил наше интервью, за которое я так благодарен "Часу пик", первой в стране газете, откликнувшейся на мою просьбу (даже "Огонек" не смог предоставить мне слово), закончить... строками из стихотворения. Написал я их на днях, слушая в "До и после полуночи" беседу моего учителя генерала О.Д. Калугина с Владимиром Молчановым.

В поединке сомкнулись со звоном
Моя вызов швырнувшая честь
И, всесильная сводом законов,
На расправу недолгая, месть.

Понимаю, работая жадно,
Я ступил на запретную грань.
Где прижились угодная правда
И двуликая всеу мораль.

Мне легко в этой схватке и трудно -
Я один и иду напрямик,
Для меня не начищены трубы
И не срезаны копны гвоздик...

Пусть победу отметят как праздник.
Не окончен еще разговор.
Будет срок, и другой "камикадзе"
Выйдет с вызовом вновь на ковер.

Беседу вел *Лев Корсунский*

ОЛЕГ КАЛУГИН: "Я БЫЛ СКРОМНЫЙ ГЕНЕРАЛ, А СТАЛ ПОПУЛЯРНЫЙ ЧЕЛОВЕК"

(*"Коммерсантъ"*, 2 июля 1990 г.)

Через две недели после своего сенсационного выступления, в субботу 30 июня, слушая на даче радио Би-би-си, генерал КГБ в отставке Олег Калугин узнал, что лишен звания и наград, заработанных за тридцать лет беспорочной службы.

За следующие три дня он успел дать десяток интервью, получил два солидных заказа на книгу, отказался от двух лестных предложений о трудоустройстве, согласился баллотироваться в депутаты и выдвинул публичное обвинение председателю КГБ.

После Ельцина и Гдьяна, по оценкам экспертов, это самый яркий пример европеизации советской политики — президентская репрессия, воспринятая как паблисити, обеспечила будущее разжалованному генералу.

К месту встречи с корреспондентом Калугин подошел незаметно. Потом, открыто улыбаясь, извинился за конспирацию: "Я был скромный, условно говоря, генерал, а теперь, после всей рекламы и президентского указа, стал очень популярным человеком в стране. В некоторые места просто трудно пройти. В метро автографы просят",

За непривычную для разведчика популярность он заплатил, кроме моральных убытков, привычными льготами. Довольно редкая награда "Почетный работник госбезопасности" давала право на 50-процентную скидку в квартплате, 20 лишних метров жилплощади плюс престиж независимо от должности. Все это, правда, перекрывалось генеральскими привилегиями. Лишенный и того и другого, Калугин потерял к тому же 350-рублевую пенсию. Какая будет теперь, он не знает: "Может быть, дадут, как генералу Григоренко, солдатскую — 12 рублей".

Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987), генерал-майор, активный участник правозащитного движения. В 1964 году был арестован, лишен воинского звания. В 1970-м был вторично арестован и отправлен в спецпсихбольницу. С 1977 года жил в США.

"Вообще говоря, я не интересовался — не хочу иметь никаких дел с нынешним руководством КГБ. Они со мной связались единственный раз за эти две недели — днем раньше указа позвонила девушка из приемной и пригласила прийти. Я сказал, что ноги моей там не будет, если хотят, пусть приводят силой. Вы же знаете, что КГБ с момента моего появления, как говорят, на сцене начал распространять слухи в своем стиле: что я глубоко внедренный агент ЦРУ и, наоборот, что я агент Крючкова, внедренный в левое движение с тем, чтобы попасть в окружение Ельцина и разложить его команду. При такой игре они могут использовать мой приход в КГБ, чтобы сфотографировать меня и потом показать "левым": "Смотрите, он наш, а вам голову морочит".

Что касается указа, он больше заинтересовал Калугина незаконностью, чем обидел несправедливостью: "Юридически это абсолютно беспомощно. Если я разгласил государственную тайну — подавайте на меня в суд и потом уже принимайте решение. А все, что я рассказал и еще расскажу — как убивают людей, прослушивают телефоны, фальсифицируют информацию, закрывают дела на номенклатуру — это тайны не государства, а партийно-полицейской мафии".

Ъ: А то, что вы открыли "Московским новостям", хотя и не называя, "крышу" КГБ в Лондоне — контору "Союзэкспортфильма"?

О.К.: Это секрет Полишинеля. То, что советской публике кажется ужасными тайнами, давно и широко известно на Западе от многочисленных перебежчиков. Этот факт защитит меня на любом суде.

Калугин уверен, что на суде — если до этого дойдет дело — юридическая ошибка Президента и Совмина станет очевидна.

Политическая логика Калугину и растущему числу его сторонников очевидна уже сейчас — руководство КГБ боится, что ренегатскому примеру отставного чекиста последуют те, кто еще в строю. Поэтому изданный указ может быть полезен для репутации Лубянки, но настолько же вреден для престижа Президента. И то, что Горбачев подписал этот заведомо непопулярный документ, по мнению Калугина, еще раз доказывает его правоту: КГБ в СССР может оказывать давление на руководителей самого высокого ранга.

Самому Калугину, по-видимому, обижаться на Президента грех. Указ, как это уже бывало, повлиял на общественное мнение с точностью "до наоборот" — пораженный в правах отступник стал народным героем. Стал в отличие от своих предшественников на этой стезе в одночасье, не успев толком помучиться.

Профессиональный разведчик, планируя взрыв своей "бомбы", естественно, рассчитывал на такой вариант, хотя готовился к худшему, "даже к тюрьме". Это не остановило его в феврале, когда, посоветовавшись с женой, он отнес в "Огонек" большую аналитическую статью — "самую полную из всего, что вышло" — и заручился обещанием Коротича о публикации. Потом Калугину объяснили, что цензура, не имея формальных претензий по части государственных тайн, все же сочла долгом показать статью КГБ. Коротича вызвали в Политбюро и запретили печатать откровения генерала.

"Позже Артем Боровик хотел взять меня во "Взгляд". Вроде уже договорились, но выяснилось, что Боровика шантажировал КГБ: сказали, если я появлюсь на экране, станут известны некоторые факты его биографии. Я говорю, как же вы такое терпите, единственный способ борьбы с ними — гласность. Но, видно, ему было чего бояться".

Калугину в этом смысле бояться было нечего. Последние годы безупречной карьеры омрачило легкое диссидентство, письма в ЦК, но перестройка уже была гарантией от "психушки". Генерала лишь немного "задвинули" по службе — "я говорил Крючкову, зачем вы меня держите на режимной работе, назначили бы лучше зампредом АПН, там же есть

наша должность” — а в 55 лет проводили на пенсию. Проводили с почетом и шестью тысячами рублей премии, видимо, рассчитывая, что необиженный пенсионер не захочет реванша.

Он тем не менее захотел. Причем не в плену эмоций — “при Черненко я бы не вылез, это было бы чистой воды самоубийством”, — а точно все рассчитав. И первый тайм, как он сам с удовлетворением признает, выиграл.

Утрата пенсии не слишком стеснила консультанта по международным связям Ассоциации развития информационных технологий АН СССР с окладом в 600 руб. (Калугин устроился туда сразу после ухода на пенсию.) Приобретенная слава открыла перспективы. Издательства АПН и “Прогресс” предложили договоры на книгу — он и сам собирался ее написать, но сейчас некогда, “расписание буквально забито журналистами. Я сознательно не отказываюсь от такого ритма жизни: чем более я открыт для публики и прессы, тем труднее меня уничтожить”.

Ъ: В каком смысле?

О.К.: И в физическом тоже — технология отработана. Хотя думаю, Крючков на это не пойдет, слишком нерешительный.

Ъ: Тем не менее свое первое обвинение на митинге около Парка культуры вы предъявили именно ему.

О.К.: Может быть, потому, что не хотел начинать с более серьезных обвинений. Вина Крюčkова в массовых побегах сотрудников разведки и провалах агентурных сетей велика, но это не самый большой вред, наносимый КГБ обществу.

Ъ: Когда вы перейдете к самому важному?

О.К.: Пока я готов только обозначить следующую тему — нанесение КГБ ущерба здоровью и жизни людей. В книге я расскажу обо всем.

Разоблачительная беллетристика, похоже, станет главным делом разжалованного генерала. Он не видит на этом пути никаких препятствий, кроме одного: “КГБ может воспрепятствовать методом тайного вторжения в квартиру, обыска и изъятия написанных листов. Поэтому я должен работать так, чтобы все написанное сразу исчезало с моего стола и хранилось

в надежном месте". Во всяком случае пока Калугин отверг предложение работать начальником ленинградской милиции, переданное Чубайсом от Собчака, и отказался от такой же должности в Москве, предложенной пока неофициально "от кругов, близких к Ельцину". Да, он слышал об идее создания российского комитета национальной безопасности и о том, что его якобы пророчат в начальники. Он не говорил об этом с Ельциным, но не думает, что тот пойдет на конфликт с Горбачевым и Крючковым. Если все-таки предложат — готов рассмотреть, хотя, "честно говоря, КГБ мне смертельно надоел. Я слишком хорошо знаю, как трудно в этой системе что-нибудь изменить. Ведь даже сейчас, когда власть формально перешла от партии к Советам, начальник, например, ленинградского КГБ докладывает Гидаспову и не докладывает Собчаку".

Единственное предложение, которое Калугин принял без размышления, — решение активистов последнего митинга выдвинуть его кандидатуру на выборах народного депутата РСФСР от Люблинского района. "Депутатский иммунитет поможет мне говорить правду без оглядки". От всех остальных форм общественной деятельности бывший генерал КГБ отказался, заявив, что из КПСС по окончании съезда выйдет и ни в какую другую партию вступать не будет.

Леонид Милославский

ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ ЛИШИЛ ГЕНЕРАЛА КАЛУГИНА НАГРАД

("Коммерсантъ", 2 июля 1990г.)

Указ Президента о лишении генерал-майора КГБ Олега Калугина всех правительственных наград и звания был для многих неожиданным и выглядел нелогичным в контексте жесткой критики справа, которой Горбачев подвергся накануне съезда. Однако внутренняя логика в этом шаге Президента, несомненно, присутствовала. Указ комментирует редактор отдела политики Андрей Фадин.

Ситуация сложилась парадоксальная. Генерал Макашов произнес речь, граничащую с прямым призывом к государственному перевороту, — и продолжает нести службу. Генерал Калугин обвинил своих бывших коллег в узурпации полномочий конституционной власти — после чего Президент, публично поклявшийся защищать Конституцию, лишил его наград и звания.

Подобное "преследование за критику", очевидно, не могло прибавить популярности Президенту, который остро в ней нуждается именно сейчас. Очевидно и то, что Президент не мог не представлять себе вероятной общественной реакции — по крайней мере "слева".

Логично предположить, что на него было оказано сильное давление со стороны руководства КГБ. Вопрос в том, почему этот нажим, видимо, далеко не первый для Горбачева, оказался столь эффективным?

Едва ли речь может идти о серьезных намерениях наказать таким образом "провинившегося" генерала. В сложившейся общественной ситуации было довольно очевидно, что президентское наказание только повысит популярность Калугина.

Для руководства КГБ публично наказать Калугина было вопросом сохранения политического и дисциплинарного контроля над кадрами. КГБ было необходимо политическое решение, которое поставило бы перед внутренними диссидентами проблему выбора: сохранение безусловной лояльности к руководству Комитета — или изгнание из него.

Горбачеву пришлось выбирать: Комитет, послушный приказам, или политизированный и малоуправляемый КГБ. К тому же руководство КГБ занимает сильные позиции в партийной иерархии, и компромисс с ним мог оказаться необходимым в преддверии важного для Горбачева съезда КПСС. Это обстоятельство, возможно, и предредило выбор.

Смущает, однако, легкость — по крайней мере внешняя — с которой Президент ради политической конъюнктуры пошел на решение, законность которого, исходя из текста Конституции, далеко не очевидна. Несладко быть верным слугой своего Государя...

А. Оадин

НЕОБХОДИМО РАССЛЕДОВАНИЕ

(“Комсомольская правда”, 3 июля 1990 г.)

20 июня с.г. наша газета опубликовала беседу с генерал-майором КГБ в отставке О. Калугиным. В ответ Центр общественных связей КГБ СССР перевел разговор на обсуждение личных качеств О. Калугина, а затем по представлению КГБ он был лишен звания и всех государственных наград. Сегодня мы предоставляем слово уже бывшему генерал-майору для ответа на предъявленные ему обвинения. Подчеркиваем: дело не в личности Калугина (имевшего, кстати, 22 ордена и медали), а в поднятых им проблемах. Поэтому поддерживаем обращение народных депутатов СССР, требующих независимого расследования изложенных Калугиным фактов.

Председателю Верховного Совета СССР тов. Лукьянову.

В последнее время в деятельности КГБ СССР стало больше открытости и гласности — проводятся встречи с журналистами, организуются выступления руководителей аппарата.

Вместе с тем отсутствие до настоящего времени четких законодательных норм, регулирующих статус и деятельность органов государственной безопасности, должного контроля со стороны Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР создает благоприятную почву для различных нарушений и отступлений.

Значительное число ведомственных инструкций и указаний, ориентация, в основном, лишь на поручения партийных органов длительное время выводили КГБ из зоны депутатского внимания и какой-либо критики, оставляли его сотрудников в рядах “вооруженного отряда партии”.

Как показывает изучение материалов Верховного Совета СССР предыдущих созывов, за последние 10 лет деятельность Комитета государственной безопасности не анализировалась ни разу. Народные депутаты СССР не имеют никакой информации об аспектах работы КГБ и от Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности.

В некоторых средствах массовой информации высокопоставленные сотрудники КГБ (полковник Карлович, генерал Калугин) открывают завесу над отдельными тенденциями и направлениями работы органов КГБ внутри страны и за рубежом.

Считая их заявления достаточно серьезными и требующими детальной проверки, полагаем необходимым:

1. В соответствии со статьей 17 Закона СССР "О статусе народного депутата СССР" назначить депутатское расследование по проверке соответствия законам СССР инструкций и указаний, действующих в системе КГБ СССР, в этих целях образовать специальную депутатскую комиссию.

2. Предложить председателю КГБ СССР оказать необходимое содействие в проведении расследования, представить необходимые для объективного изучения вопроса сведения и документы.

3. В ходе расследования считаем целесообразным изучить следующие аспекты деятельности КГБ СССР:

а) о бюджете комитета — статьи расходов, кем и как рассматривается и утверждается бюджет;

б) о штатах комитета — целесообразность существующих структур, перспективы сокращения;

в) о реальной подчиненности комитета — структура принятия решений в центре и на местах, кто является потребителем информации, какова роль руководства КПСС;

г) информация о конкретных направлениях деятельности комитета:

— насколько соответствует действительности утверждение генерала Калугина о существовании в нашей стране политического сыска, несовместимого с принципами демократического государства;

— по чьим указаниям проводится прослушивание телефонных разговоров и используется специальная техника;

— характеристика предыдущей деятельности 5-го и 9-го управлений КГБ СССР;

— существует ли сегодня практика физического устранения политических противников;

— используется ли органами КГБ метод дезинформации через средства массовой информации;

— деятельность комитета в отношении оппозиционных партий, общественных организаций, стачечных комитетов — внедрение и вербовка агентуры, дискредитация и т.д.;

— соответствие деятельности международным нормам прав человека — ведение слежки, досье и т.д.

Просим внести вопрос о проведении парламентского расследования и создании специальной комиссии по данному вопросу в повестку IV сессии Верховного Совета СССР.

Народные депутаты СССР от ВЛКСМ:

А. Плотников, А. Казарин, Н. Денисов, А. Сапрыкин, Ю. Чемоданов, Б. Мухаметжанов, М. Прусак, Э. Мамедов, В. Губин, К. Гежин, О. Осокина, А. Колодезников, А. Трубин, А. Шаронов

НЕ ПЕРЕХОДИТЬ НА ЛИЧНОСТИ

Не считаю для себя этичным вступать в дискуссию на том уровне и в том духе, которые заданы Центром общественных связей КГБ. Переход на личности не лучший способ разрешения принципиальных споров. Но поскольку против меня выдвинут ряд конкретных обвинений, то, видимо, нужно объясниться. Тем более что руководство КГБ считает возможным публично осуждать детали некоторых оперативных дел, к которым я имел отношение.

За время моей работы в качестве начальника внешней контрразведки (1973—1980 гг.) ни одного агента из числа сотрудников ЦРУ советская разведка не имела. Поэтому что-либо терять по причине моих "некомпетентных, самонадеянных действий" было невозможно. Дальше. Прозрачный намек в мой адрес о "далеко не безобидной утечке информации". Давайте называть вещи своими именами. С 1960 по 1980 год на Запад сбежали трое сотрудников КГБ. А с 1980 изменили Родине около 20 человек (последний беглец ушел в Бельгию весной

этого года). Таким образом, можно смело говорить не об утечке информации, а о передаче и продаже на Запад большинства секретов советской разведки, полном провале огромного числа агентурных сетей. Но все это тщательно скрывается от общественности.

В том же сообщении Центра общественных связей упоминается ученый (почему-то в кавычках) К., чью виновность в спекуляции валютой и антиквариатом я якобы собственноручно подтверждаю. С К. я познакомился еще в США. Опасаясь преследований, он в 1964 году выехал в СССР, оказал немалую помощь советским специалистам в создании современных видов ракетного топлива. Но, столкнувшись с безобразиями в нашей стране, начал высказывать диссидентские настроения, в связи с чем попал в поле зрения Московского УКГБ. Не понимая, как ученый (он русского происхождения) мог добровольно вернуться в Союз, московские чекисты заподозрили неладное и стали изучать его как шпиона ЦРУ. Доказать ничего не удалось. Тогда решили подставить ему агента-provokatora, специалиста по валютным сделкам. Во время осуществления сделки К. был арестован и осужден на 7 лет. Чувствуя моральную ответственность за человека, по моей вине вернувшегося на негостеприимную Родину, я написал записку Андропову с просьбой пересмотреть дело, просил об этом и в личном разговоре. Безуспешно. Сейчас К. на свободе, он может и сам рассказать свою историю.

И последнее, о "гатчинском деле". Тогда по обвинению во взяточничестве в партийном и советском аппарате было арестовано около 40 человек. Дело велось совместно с облпрокуратурой и ГУВД. Ни один из арестованных не предъявлял претензий по процедуре следствия. Прокурор области и обком КПСС высоко отзывались о дружной работе правоохранительных органов. До тех пор, пока не появились показания на высокий уровень взяточничества в исполкоме Ленсовета и обкоме партии. Дело по указанию обкома было прекращено, в связи с чем я направил протест в адрес Генерального прокурора СССР и КПК при ЦК КПСС. Никто по линии КГБ наказан, тем более "строго", как это сейчас утверждается, не был.

Таковы реальные обстоятельства тех дел, которыми руководство КГБ решило проиллюстрировать всю степень неприглядности моей личности. Я только не понимаю, какое отношение они имеют к тем вопросам политической и организационной перестройки КГБ, которые я поднимаю в своих публичных выступлениях.

О. Калугин

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

(“Аргументы и факты”, № 27, 1990 г.)

4 июля 1979 г. генерал-майор КГБ Олег Данилович Калугин доложил руководству стенограмму своей беседы с заключенным К. Вот ее фрагменты:

О.Д. Что тебя привело к уголовшине?

К. Только за дачу надо было 30 тысяч. Срочно продавал один еврей, который собирался в Израиль. А у нас было только 7 тысяч. Надо было скорее достать деньги... Я не знал, что продавать доллары противозаконно...

О.Д. Но, насколько я знаю, ты этой куплей-продажей занимался и до 77-го года? Мне, честно говоря, просто не верилось, когда мне сказали, что тебя посадили за уголовное дело, связанное с валютной спекуляцией.

Этот документ *О.Д.Калугин* не только заверил своей подписью, но и в отдельном отчете о встрече с *К.* написал:

“Вокруг него появились знакомые из числа армян и евреев, интересовавшиеся его долларами. Постепенно он вовлекся в куплю-продажу антикварных изделий, начал продавать доллары... “То, что меня осудили, — сказал *К.*, — это правильно”.

А вот выписка из обвинительного заключения по уголовному делу на *К.*:

“Установив преступные отношения с Малхасяном, Ратновским, Манукианом, гражданами Афганистана Квайуми Абдул Расулом и Мухамедом Салимом Али, гражданином Ливана

Халауи Омаром Ахмедом, гражданином Ирана Мохамадзаде Сараб Спрусом и другими лицами, на протяжении 1967—1977 годов в Москве, нарушая правила о валютных операциях, с целью наживы в виде промысла и в крупных размерах занимался спекуляцией валютными ценностями, предметами антиквариата, религиозного культа и промышленными товарами...”

К. и был тот самый “арестованный гражданин, ученый”, который, как уверяет нас теперь Калугин, “по сфабрикованному обвинению был осужден на 7 лет и томился в наших лагерях”. И сфабриковано дело против К., по словам Калугина, было Комитетом госбезопасности. Однако простое сопоставление подлинных документов с теперешними изречениями Олега Даниловича показывает, что сейчас он лжет.

Зачем эта ложь? Затем же, что и вся остальная ложь, которой пропитано выступление оказавшегося не у дел генерала Калугина. Затем, чтобы у собравшихся в зале “Октябрь”, как он говорит, “не закралось сомнение относительно цели” его присутствия там, затем, чтобы они “не подумали”, что он “вскочил на подножку “Демократической платформы” из каких-то неблагоприятных соображений”. За этим он и попытался протащить легенду о себе как о борце за права человека, да еще когда — в разгар застоя, да еще где — в рядах КГБ! Увы, несмотря на то, что Олег Данилович, судя по его словам, опытный разведчик, легенда его не выдержала настоящей проверки. Со многими положениями выступления Калугина трудно спорить потому, что они бездоказательны, а значит, непроверяемы. Расчет у Олега Даниловича здесь прост: кто хочет — верит, кто не хочет — не верит. Но, полагает он, если бросить на весы генеральскую папаху и тридцать лет выслуги, то скорее всего поверят. А если Олег Данилович лжет, так же как он солгал о сфабрикованном органами госбезопасности деле против ученого К.? “Я знаю” — и все тут, вот его аргумент, а проверить нельзя.

Ну как, действительно, проверишь утверждение о том, что “наши органы государственной безопасности по численности превышают все органы, вместе взятые, Европы, Америки и Азии”, если такие сведения все государства держат в секрете и их не знает даже сам Калугин. Или как проверить информацию

о том, что в ходе перестройки лишь незначительная часть работников КГБ заняла левые позиции, а "еще большая часть ушла вправо". Социологический опрос провести среди них, что ли? Если Олег Данилович этого не делал, то стоит подумать. А ведь на этой совершенно бездоказательной посылке Калугин строит свой основной вывод о том, что КГБ является противником перестройки, опорой консервативных сил в стране и именно поэтому "мы не можем, если хотим всерьез заняться перестройкой, действовать рука об руку" с этой организацией.

"Но где же были органы КГБ во время событий в Сумгаите, Фрунзе, Тбилиси?! — театрально восклицает Калугин. — ...Почему на первом плане у нас органы МВД и армия, несчастная армия, которая вынуждена бороться с собственным народом?" Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы распознать здесь демагогическую попытку столкнуть органы госбезопасности с органами МВД и Вооруженными Силами, да еще к тому же дезинформировать слушателей или читателей. Но придется все же кое-что пояснить.

Во-первых, и Калугин это прекрасно знает, у КГБ нет сколько-нибудь многочисленных вооруженных формирований для борьбы с массовыми беспорядками. Да и задачи, стоящие перед органами госбезопасности, заключаются вовсе не в том, чтобы демонстрировать силу оружия. Их задача — получить информацию, кто, где и когда готовится совершить то, что совершалось и совершается в Средней Азии и Закавказье, и своевременно передать эту информацию в руководящие органы для принятия соответствующих решений. И эту задачу органы госбезопасности добросовестно выполняли и выполняют.*) Более того, когда дело доходит до угрозы человеческим жизням, офицеры КГБ проявляют личное мужество и часто в одиночку дают отпор преступникам и спасают людей. Примеров тому множество.

---

*) Почему же тогда не были предотвращены трагические события, и какие руководящие органы имеет в виду автор, ведь председатель КГБ СССР является членом Политбюро ЦК КПСС? Туда же входят и Президент, и Председатель Совета Министров, и министр обороны. Так на кого же перекладывается ответственность? — Прим. ред. "АиФ".

И, во-вторых, кощунственно и крайне несправедливо говорить о том, что наши Вооруженные Силы борются с собственным народом. Опять же у нас мало и плохо показывают тех, от кого приходится защищать мирное население в Закавказье и Средней Азии.

К весьма неудачной шутке, правда, вызвавшей кое у кого из присутствовавших в зале "Октябрь" смех, можно отнести брошенное вскользь замечание об участии КГБ в борьбе с организованной преступностью. Что там, дескать, ловят фарцовщиков, проституток и самогонщиков. И ни слова о том, что органами госбезопасности государству возвращены десятки миллионов рублей, изъятых у махинаторов с платежными средствами и валютой, предотвращен вывоз художественных ценностей, входящих в категорию национального достояния, приостановлен транзит десятков тонн наркотиков.

Нечем, говорит он, стало заниматься сотрудникам КГБ во времена перестройки. Контрразведка? Зачем, если бывший директор ЦРУ Колби сам официально приезжает в Москву? Уильям Колби действительно не так давно приезжал в Советский Союз, но не как представитель ЦРУ, а как частное лицо для участия в семинаре по вопросам борьбы с международным терроризмом. А у советской контрразведки есть дела и во времена перестройки, гласности и нового мышления. Натиск иностранных разведок вопреки смягчению международной напряженности отнюдь не ослабевает. Только за последние несколько лет контрразведчики разоблачили более тридцати агентов иностранных разведок из числа советских граждан. Ущерб, нанесенный шпионами, был немалый. И это тоже прекрасно известно Калугину, но он посчитал, что ему выгодно об этом умолчать.

Умолчать об этом и о многом другом, что не вписывается в его схему — схему развала органов государственной безопасности. Их сокращения, перекраивания, разделения и т.д., что, кстати, вместо экономии обошлось бы государству в копеечку.

Кстати говоря, в цивилизованных странах, на которые часто ссылается Калугин, в отношении сотрудников спецслужб действуют и цивилизованные законы. В частности, в США за раскрытие принадлежности к разведке грозит тюремное заклю-

чение сроком до 10 лет и штраф до 50 тыс. долл. В Англии на сотрудников спецслужб, в том числе бывших, законом наложен обет молчания.

Весьма примечательно, что выступление Калугина в зале "Октябрь" и его интервью некоторым печатным изданиям состоялись в период, когда в Верховном Совете СССР ожидает своей очереди проект закона о Комитете государственной безопасности СССР. В этом законе предполагается совершенно гласно определить правовую основу деятельности органов госбезопасности.

И не будет тогда кривотолков и недомолвок. Не будет и почвы для лжи и спекуляций, к которым прибегнул Калугин.

О.Царев

10 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ КГБ.

Именно столько дней прошло от публикации интервью с генералом Олегом Калугиным до лишения его звания и правительственных наград.

("Московские новости", 8 июля 1990 г.)

В минувшую субботу у перестройки появился еще один Великомученик Гласности — Олег Калугин. Все было исполнено по уже хорошо известному рецепту "сотворения кумиров": гласно критиковавшего систему человека эта система не менее гласно отвергла. Вспомните опыт Бориса Ельцина или Тельмана Гдяна, и вы поймете, что все именно так.

В ответ на публикацию интервью с генерал-майором КГБ в запасе Олегом Калугиным ("Московские новости", "Комсомольская правда" 20.06 с.г.) и позже выступление его на телевидении в печати появилась краткая информация с многозначительным названием "КГБ СССР даст всестороннюю оценку высказываниям Калугина". А еще через несколько дней корреспондент "Правды" обратился в эту же организацию и получил то, что, видимо, и должен был получить: общие слова

о необходимости большей открытости и принципиальной критики и не очень удачную попытку опорочить критикующего, главный криминал которого в том, что критиковал он порядки в КГБ еще задолго до публичных высказываний, обращаясь с письмами в самые высокие инстанции.

30 июня указом Президента СССР "по представлению КГБ СССР", как сказано в информации ТАСС, Калугин был лишен государственных наград, а Совет Министров СССР лишил его генеральского звания.

По-своему уникальная история, когда в десять дней после публикации ответ на волнующие проблемы, вставшие в отношениях между КГБ и обществом и суммированные Калугиным, получил только тот, кто эту проблему вынес на гласное обсуждение. Вопросы же Калугина о необходимости деполитизации механизма госбезопасности, ликвидации политического сыска, сокращении служб КГБ наполовину и, наконец, контроля со стороны парламента так и повисли в воздухе.

Может быть, Калугин выдал какие-то государственные тайны? Однако из имеющихся у редакции фактов однозначно следует, что Калугин наказан за то, что рассказал нам с вами — тем, собственно, на чьи деньги и содержится КГБ, — о проблемах и фактах, давно известных на Западе. Известных прежде всего от изменников из стана КГБ, а о них у нас ни говорить, ни писать не принято. Может быть, руководству комитета больше всего не понравилась именно та часть выступления Калугина, где он предполагал, как и почему появляются предатели в КГБ? Но нельзя же действительно сегодня жить гигантской, меняющейся организации с представлениями о себе лишь как о "рыпях революции" и героях Юлиана Семенова.

Не знаю, может быть, в интервью раздражает признание в том, что комитетом в значительной степени руководила и руководит партийная элита, сама остающаяся вне зоны его контроля? Или замечание Калугина о возможности подслушивать и следить за любым из нас по ничем не ограниченному усмотрению самого КГБ?

... Последние дни, можно сказать, принесли всенародную известность двум генералам. Чуть позже Калугина страна заговорила о прогрохотавшем с трибуны российского парт-

съезда угрозы Президенту и демократии генерал-полковнике Альберте Макашове.

Калугин, подталкивавший систему сделать еще один шаг по пути открытости и демократических реформ, разжалован и лишен наград.

Макашов, выступающий против демократических процессов, лишь закрепляет успех. Недавно в еженедельнике военного ведомства он, признавшись, что для него конверсия — соль на раны, самоуверенно пошутил: уйду в отставку только в случае, если вместе со мной в отставку уйдет вся критикующая меня пресса.

Два генерала лишь совпадение, но достаточно много говорящее. В том числе оно заставляет задуматься над тем, такие ли уж армия и КГБ слуги народа, как хотят показать? Не слишком ли велика роль ведомств-исполнителей в формировании политики, в том числе и внутренней?

Хотя мы и неспециалисты в том, что является "действиями, порочащими честь и достоинство сотрудников органов госбезопасности", наказание Олега Калугина достаточно очевидная прививка против гласности в КГБ. Но боюсь, что, готовя этот вопрос для Президента, руководители госбезопасности все-таки не до конца обдумали ситуацию с собственным престижем в обществе.

Надо признать, Калугин знал, на что шел.

— Страшно ли вам? — спросил его телевизионный ведущий.

— Тревожно, — ответил бывший разведчик.

После публичной казни в минувшую субботу тревожно не одному Калугину.

Виктор Лошак

РАЗЖАЛОВАН БЕЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Каких целей достигнут разжалование и лишение наград бывшего генерала КГБ Олега Калугина? Об этом размышляет один из крупных советских разведчиков

(“Московские новости”, 8 июля 1990 г.)

Прочитал первую реакцию КГБ на выступление генерала Олега Калугина в газетах, на телевидении — и повеяло таким знакомым, таким многозначительным с Лубянки: нам известен Калугин, и мы еще скажем о нем свое слово! И сказал.

28 июня “Правда” со ссылкой на анонимных лиц в Центре общественных связей КГБ ударила по Калугину в лучших традициях гонений на диссидентов: по старинке ушла от ответа на конкретные заявления генерала, зато сосредоточилась на детальном перемальвании его, как оказалось, сомнительной личности. А 30 июня по представлению КГБ Президент лишил Калугина наград, Совмин — генеральского звания.

Многое в заявлениях КГБ рассчитано на простаков. Скажем, утверждения о том, что после освобождения Калугина от руководства управлением внешней контрразведки оно “заработало так, как оно и должно было бы работать”. Разведка — это не колбасный завод, где новый директор может заменить всю технику и кадры, наладить мясopоставки и завалить своей продукцией всю страну. В разведке успехи в большой степени зависят от долговременных факторов и от случая (например, предложение секретной информации сотрудником ЦРУ); механизм, кадры и методы работы разведки не могут вдруг кардинально меняться с приходом и уходом нового начальника. Очень часто зерна, заложенные в прошлом, дают всходы лишь в будущем. Перемещения в руководстве меняют, конечно, климат в подразделении, но успешная вербовка ценного источника, позволившего вскрыть целую сеть иностранных агентов, так же зависит от руководства, как зависит от президента Академии наук важное открытие, сделанное его подчиненными.

Выступление Калугина стало сенсацией, для советской аудитории, на Западе удивило лишь своей смелостью, ведь ничего принципиально нового Калугин не открыл. Всему миру известно и о преследованиях диссидентов, и о политическом

сыске, и о полицейских методах работы, и о полной беспермонности при прослушивании или перлюстрации. Пострадавшими написаны горы статей и мемуаров. Да что там пострадавшие! Предатели КГБ, ушедшие на Запад, настолько приоткрыли завесу тайны, что порой кадровый сотрудник КГБ хуже знает деятельность своей организации, чем ординарный американский советолог. Букет предателей и перебежчиков из всех звеньев КГБ (как, впрочем, и других влиятельных организаций) в последние два десятилетия расцвел пышным цветом. К этому стоит добавить, что комиссии американского сената и конгресса неоднократно обсуждали деятельность КГБ и соответственно публиковали свои доклады и в связи с показаниями ушедшего на Запад генерала Орлова (ушел он еще до войны, но на показания решился гораздо позже), и о связи нынешнего КГБ с террористами (тут, кстати, американцы сели в лужу: несмотря на все старания и натяжки, прямой связи не обнаружили), и о дезинформационных мероприятиях КГБ ("свидетельские показания" давал сотрудник ПГУ Левченко, сбежавший в Японию). Настольными книгами любого западного гражданина, интересующегося комитетом, стали две книги Джона Бэррона о КГБ, переведенные, кстати, на русский язык "Посевом"... Много, конечно, в эти книги вкраплено клеветы и ерунды, и деятельность КГБ раздута не меньше, чем "советская военная угроза", но на войне, как на войне: преувеличение мощи противника не только дает дополнительные бюджетные ассигнования, но и повышает собственную значимость и престиж в глазах общественного мнения — разве не то же самое делает КГБ в отношении ЦРУ?

Нет, информация Калугина никого в КГБ не удивила и не могла удивить. По большому счету, Калугин сделал для поднятия престижа КГБ больше, чем официальные трубадуры: он показал, что в комитете работают смелые люди, обеспокоенные состоянием перестройки в организации. Словами о перестройке уже не удивишь, а народ видит, что почти в любом министерстве и даже в гостиницах сидят сотрудники КГБ — воз и ныне там!

Какая может быть перестройка, если часть руководства КГБ и часть его верхнего слоя были архитекторами политики

КГБ в период застоя, формировали его партийно-кадровые структуры? Эти люди весьма почтенного для такой работы возраста продолжают бороться за свое политическое выживание. Как они могут перестроиться? Руководят и тянут за собой остальную массу комитета, которая, в основном, не имеет никакого отношения к неблагоприятным делам застоя, но трудно воспринимает отход от стереотипа врага (что вполне естественно), привыкла подчиняться голосу сверху и боится за свои служебные места. А кто не боится? Разве не пугает пример разогнанных служб Восточной Европы? А сокращения, о которых только и речь? Ведь если говорить начистоту, то сотрудник КГБ в социальном плане защищен еще меньше, чем армейский офицер. Начальство всевластно. Осмелится критиковать — тут же ловко подставят ножку, напишут плохую аттестацию, не пренебрегут и доносами! Если сотрудник осмелится встать на дыбы, то не просто уволят, а так уволят, что ни одна приличная организация на работу не возьмет. И куда он пойдет жаловаться? В суд? В комиссию по обороне и госбезопасности? Кто сумеет его защитить? Да на запрос самой высокой инстанции КГБ всегда сможет ответить: увольнение товарища связано с некоторыми сугубо оперативными вопросами, разглашать которые мы не имеем права. И точка! Кстати, даже без "помощи" КГБ на новую работу непросто сотруднику устроиться: увы, но в каждом бывшем кагэбисте видят стукача. Хотя, если говорить откровенно, то стукачи-добровольцы, вкрадчивые, вечно сигнализирующие и пекущиеся о чистоте идей и нравов, сто очков вперед дадут по этой части любому сотруднику КГБ!

Вот и молчат честные офицеры или вторят хулу в адрес тех, кто осмелился сказать правду. Страх всегда был царем в КГБ, мерзкий страх, десятилетиями сковывающий организацию даже больше, чем всю страну.

А ведь обновленный КГБ нужен демократии. В обновленном КГБ будет и свободнее дышать, и радостнее работать, ибо эта работа будет не во имя абстрактных лозунгов и схем, не против тех, кто не согласен с вечно правильной линией партии, а во имя безопасности всего народа, никогда не видевшего защитников от властолюбцев, воругов и авантюристов. .

КГБ обвиняет: "Люди возмущены поступком Калугина". И жалобы на сотрудников КГБ, оказывается, писал генерал, и кляузы в ЦК, проверка которых "компетентными органами" ничего не подтвердила, и стремился обзавестись связями, и уж, конечно, "тяга к богемному образу жизни, привычки устраивать застолья, используя служебное положение". Однако по неясным, но добрым российским законам, чем больше система вываливает свою жертву в грязи, тем выше престиж этой жертвы в народе.

Калугин высказал разные мнения, с одними можно соглашаться, другие вызывают возражения и даже протест.

Но важно, что критика КГБ должна стать нормой, она направлена на укрепление государственной безопасности, и проигрывает тот, кто вместо серьезной дискуссии начинает сжимать кулаки. Все это мы уже проходили.

Протестуя против гонения Калугина, я отказываюсь от знака, который КГБ вручает за заслуги, — "Почетный сотрудник госбезопасности".

Михаил Любимов,
бывший начальник отдела управления первого
главного управления КГБ, полковник запаса

"ДЕЛО КАЛУГИНА"

*Почему бывший генерал КГБ заставил говорить о себе со
всех трибун*

(*"Новое время"*, №29, 1990г.)

В те дни, когда Центральное телевидение вновь показывало нам Штирлица и полковник Максим Максимович Исаев вел опасные игры с фашистскими бонзами, его современный коллега генерал Олег Данилович Калугин обменивался болезненными ударами с собственным руководством. Точнее, бывшим руководством. В феврале этого года почетный чекист, кавалер 22 правительственных и ведомственных наград, бывший начальник управления внешней контрразведки КГБ СССР (1973—1979 годы), бывший первый заместитель начальника УКГБ по

Ленинграду и Ленинградской области (1980—1987гг.) генерал-майор Калугин был уволен в отставку. 16 июня он выступил на конференции "Демократической платформы в КПСС", а затем в ряде центральных изданий с резкой критикой КГБ. И если послужной список Калугина не гарантирует ему славы Штирлица и места в галерее героев — или антигероев — ЧК/ОГПУ/НКВД/КГБ, то эти выступления создали беспрецедентную доселе ситуацию. Прежде подобное мы слышали от сотрудников КГБ, ушедших "на ту сторону" (с 1980-го, по данным Калугина, таких было 20 человек. Председатель КГБ, отвечая на вопросы на съезде КПСС, поправляет: восемь...). Калугин же "не ушел", не пересек границу. Для КГБ, как следует из публикации комитетского Центра общественных связей в "Правде", он, безусловно, изменник — однако изменник не бежит, не прячется, и получить номер его московского телефона не составляет труда! Ситуация эта стала возможной в последние годы и объясняется не успешными усилиями врагов по подрыву строя, а изменениями взглядов на роль государства в целом и КГБ как одного из его институтов. Появившаяся альтернатива страху и безусловному подчинению на самом-то деле необходима для нормального функционирования КГБ, однако отнюдь не упрощает жизнь комитета. Становятся невозможными простые решения проблем вроде "дела Калугина": человек, противопоставивший себя КГБ (или другому ведомству — прокуратуре, министерству обороны, например), не подписывает более себе приговор (или "выбирает себе судьбу", по терминологии статьи в "Правде"). И если ведомство пытается следовать старой, накатанной дорожкой, то легко предсказать общественный протест и скорее эмоциональную, нежели рассудочную реакцию общественного мнения. Это уже проявилось в " деле Гдяна и Иванова ". Но межведомственный обмен опытом (Прокуратура — КГБ), судя по всему, не состоялся...

Указы Президента СССР и Совета Министров о лишении звания и наград, последовавшие 30 июня, были изданы " по представлению КГБ СССР ". "За действия, порочащие..." Указа об ответственности за оскорбление Комитета государственной безопасности СССР у нас нет, но есть ведь суд, который может

наказать Калугина за клевету, если факт клеветы будет убедительно доказан и выяснится, что генерал, рассерженный увольнением, действительно задумал отомстить и опорочить свое бывшее ведомство. Однако среди обещания КГБ "дать соответствующую оценку" не было ни слова о намерениях воспользоваться судом, то есть демократической законной процедурой.

Краткое резюме того, в чем обвиняет КГБ, "по-прежнему самую закрытую организацию в стране", Олег Калугин:

— Вербовка агентуры в рядах политических противников и организаций — "от академиков и кончая милиционерами, от Священного Синода Русской православной церкви до спортсменов, от военачальников до музыкантов и литературных критиков"; нейтрализация организаций в целом, их разложение как конечная цель;

— подслушивание, перлюстрация почты, ведение досье на советских граждан, негласные вторжения в их жилища. Застрахованы от всего этого лишь высшие номенклатурные лица в партийных и государственных органах;

— распространение дезинформации, слухов;

— наличие потенциала, наносящего ущерб здоровью и жизни граждан.

По заявлению Калугина, КГБ — "правая рука высшего руководства ЦК КПСС". В последнее время большая часть сотрудников КГБ ушла вправо, стала опорой консервативных сил... прежде всего в партийном аппарате и защищает скорее тех, кто "не хочет поступиться принципами", нежели подлинную безопасность государства и его граждан ("Где же были органы КГБ во время событий в Сумгаите, Фрунзе, Тбилиси?" — задает вопрос Калугин).

Бывший генерал призывает к деполитизации КГБ, подчинению комитета органам Советской власти, парламенту. Он считает неотложными полную реорганизацию КГБ и сокращение его штата минимум на 50 процентов, ликвидацию системы политического сыска, отказ от платных осведомителей... Калугин, конечно же, не первый говорит об этом. Принципы демократического переустройства КГБ обсуждаются давно — задержка с реализацией, что и делает возможной подобную ситуацию.

Во фразеологии Калугина заметны прямые параллели с тем, что мы привыкли читать о ЦРУ: "тайная рука Белого дома", "потенциал убийств", "орган подавления инакомыслия". И это лишний раз подтверждает: спецслужбы всего мира схожи. Близкие, получают по Калугину, родственники. Претендовать на исключительность, мотивируя ее "идеалами" и "принципами", вряд ли оправданно. Схоже и то, что аппарат спецслужб, будь то американское ЦРУ, южнокорейское ЦРУ или советский КГБ, как утверждает Калугин, в политической ориентации тяготеет к правому, консервативному крылу своего общества. Ни разу спецслужбы не подталкивали развитие страны влево, к демократическим реформам. Этого не надо пугаться, и этим не имеет смысла возмущаться: кесарю — кесарево... Просто надо четко это понимать и иметь в виду — особенно тем, кто, по Калугину, из первых рук получает информацию комитета...

Болезни спецслужб тоже похожи. Бывший, а то и действующий сотрудник выступил с неприятными разоблачениями — это частый сюжет. И никому из его начальников такое, естественно, не нравится. Начинается слежка, в ход идут различные методы давления. (Вспомним, например, историю американца Филиппа Эйджи.) Только вот о президентском и правительственном указах я, признаюсь, не слышал. И эти указы, принятые у нас в течение двух недель после выступления Калугина, прямо перед XXVIII съездом КПСС, — серьезный, требующий внимательного анализа сигнал...

Но — вернусь к сути выступлений Калугина. Аналогичный материал за другой подписью сенсации не вызвал бы. Ничего того, что мы бы уже не знали, Калугин, служивший в КГБ до февраля нынешнего года, не "вынес" с Лубянки ни одной действительно сенсационной новости. Он явно не идет "до конца", и пока его трудно упрекнуть в разглашении служебной тайны. Тем временем реальные разоблачения сыплются как из ящика Пандорры. Выясняется, что "братская" спецслужба ГДР укрывала боевиков западногерманской "Фракции Красной Армии" (РАФ), в Венгрии пользовался убежищем международно известный террорист Карлос (Рамирес Санчес, начинавший свое всестороннее образование в московском университете имени Патриса Лумумбы)... Так знали ли на Лубянке о террористах из РАФа, мирно получавших зарплату

в ГДР? О Карлосе? Вот пример "горячей" информации, которую я как журналист хотел бы получить предпочтительно от официальных представителей КГБ, а на худой конец — из любого другого достоверного источника. Генерал Калугин не помог журналистам...

В чем же обвиняет и уличает КГБ Калугина? Начну с "мелочей".

— Недостойная роль в истории с русским по происхождению ученым К., который не без влияния Калугина эмигрировал в СССР из США, но затем был осужден на 7 лет "за спекуляцию валютой и антиквариатом". Калугин утверждает, что дело было сфабриковано КГБ после того, как ученый начал "высказывать диссидентские настроения". КГБ ссылается на документ, в котором Калугин "собственноручно подтверждает виновность ученого". У бывшего отставного генерала (!) есть контраргумент: К. на свободе и может подтвердить его слова.

— Тяга к богемному образу жизни, привычка устраивать застолья, используя служебное положение, стремление обзавестись влиятельными связями...

Переход на "личности" — признак скорее слабой, чем сильной игры. Странно, что КГБ из всех возможных сценариев (свысока промолчать, дезавуировать высказывания Калугина "между делом", парой строк в интервью председателя или одного из его заместителей, подать в суд) выбрал именно этот, из старого арсенала. К тому же учтем, что пик карьеры Калугина пришелся на "застойные годы", когда в высоких кругах подобные "привычки" были скорее нормой, нежели исключением... Как бы то ни было, не в личностных качествах Калугина дело...

— По вине Калугина потерян "ценнейший источник", работающий в ЦРУ США.

Генерал отвечает просто: за время его работы в качестве начальника внешней контрразведки "ни одного агента из числа сотрудников ЦРУ советская разведка не имела".

Спор получает продолжение 9 июля, когда председатель КГБ говорит с трибуны: Калугин не имел права на такое заявление. Это — разглашение служебной тайны... Получается, что первоначальное обвинение Центра общественных связей

комитета было несостоятельным? Калугин не лгал, а разгласил тайну?

— Результативность внешней контрразведки под руководством Калугина была низкой. После его смещения за короткий срок "были разоблачены и преданы суду" десятки агентов иностранных разведслужб из числа советских граждан.

Полковник запаса Михаил Любимов, бывший начальник отдела управления первого главного управления КГБ, считает, что это заявление "рассчитано на простаков". Разведка не колбасный завод, где новый директор может заменить всю технику и кадры, наладить мясопоставки и завалить своей продукцией всю страну...

Добавлю от себя: целый ряд дел таких "агентов из числа советских граждан" (будь то арестованные и осужденные при Калугине, до или после него) вызывает у специалистов серьезные сомнения. Называют, например, дела Лубмана, Казачкова... Так что улучшение показателей по "разоблачению" не обязательно означает реальные успехи контрразведки...

— Калугина обвиняют также в противоправных действиях в отношении подследственных (около 40 человек из партийного и советского аппарата, обвиненных во взяточничестве) во время его работы в Ленинграде.

Недовольство работой правоохранительных органов, парирует Калугин, началось, когда появились "показания на высокий уровень взяточничества в исполкоме Ленсовета и обкоме партии". Дело по указанию обкома было прекращено...

Как ни парадоксально, наиболее грозно в материале Центра по общественным связям КГБ выглядят не приведенные факты, на которые у Калугина пока находится быстрый и легкий ответ; а — намеки. "Далеко не безобидная утечка информации"... "Мы не хотим сказать, что Калугин имел прямое отношение к случаям предательства, но то, что он не имел никакого отношения к их разоблачению, — это факт". Итак, Калугин — без пяти минут "враг народа", или, современным языком, "изменник Родины". Или вредная привычка читать между строк вводит в заблуждение?

Нам редко удастся узнать, тем более детально, об операциях КГБ — и мы не можем судить, насколько профес-

сионально они разработаны и осуществлены. В данном случае "операция Калугин" вся перед нами, выложена "на блюдечке". И вызывает у аудитории недоуменные вопросы. Ведь все действия против Калугина "прочитывались" непрофессионалами на ход-два вперед! Многолетний опыт подсказывал: спору с тезисами предпочтут дискредитацию личности, поиску нарушений и злоупотреблений в калугинской карьере... Предсказуемость происходящего не просто вызвала естественную жалость к Калугину; она поставила под вопрос реальный масштаб изменений, перестройки в аппарате КГБ...

Если же в распоряжении КГБ действительно есть серьезные данные против Калугина, то, во-первых, почему не было раньше начато служебное расследование? А почему тогда, ограничиваясь полунамекками, но одновременно требуя вполне определенных санкций, КГБ легко уступает генералу борьбу за общественное мнение? Вообще у меня впечатление такое, что стремление "наказать, дабы другим неповадно было", вытеснило ту озабоченность своим реноме, которую мы наблюдали в действиях КГБ последние пару лет.

* * *

...Законодатели разных уровней требуют независимого парламентского расследования изложенных Калугиним фактов, справедливо хотят выяснить, наконец, сколько же денег и на какие службы КГБ платят их избиратели. Кто-то уже собирает средства для генерала, кто-то рисует плакаты, выдвигает его в депутаты. И все ждут следующего удара по "изменнику". Но мне очень жаль, если эта история отвлечет усилия КГБ от тех первоочередных шагов, которых давно ждет общественность и о которых не может не знать Центр по общественным связям/комитета: открытие архивов сталинского периода, открытый пересмотр ряда дел 70-х — начала 80-х годов. Любая из этих мер была бы куда более весомым ответом на обвинения генерала Калугина...

Лев Елин

ОТКЛИКИ

"КГБ ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ",—
заявляет бывший чекист подполковник Юрий Шутов

(*"Час пик"*, 2 июля 1990 г.)

Пожалуй, в череде других сенсаций бурного июня одна из самых приметных и политически значимых — выступление на московской конференции "Демократической платформы" генерала КГБ запаса О.Д.Калугина, рассказавшего о тайнах "двора на Лубянке".

Но вряд ли кто знает, что бывший начальник Гатчинского гарнизона УКГБ подполковник Юрий Алексеевич Шутов подал заявление с просьбой уволить его по собственному желанию, убедившись в грязных методах проверки заявления генерал-майора Калугина, Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С.Горбачеву. Вся боль и надежда бывшего чекиста Шутова в его открытом письме члену Политбюро ЦК КПСС, члену Президентского совета, председателю КГБ СССР В.А.Крючкову.

Уважаемый Владимир Александрович!

Я обращаюсь к Вам с открытым письмом потому, что вижу в этом единственную возможность побудить Вас к открытому и честному разговору о роли и месте органов государственной безопасности в прошлом, настоящем и будущем советского общества. К сожалению, ни в одном Вашем выступлении с трибун, в печати, по телевидению, как, впрочем, и в выступлениях Ваших подчиненных, я не смог отметить не только

стремления дать объективную политическую оценку деятельности органов КГБ в 60 — 80-е годы, но и понимания, что эта оценка необходима как покаяние, как первый шаг по пути создания новых, истинно народных органов безопасности.

Ореол непогрешимости, чистоты и всенародной любви, долгие годы рисуемый официальной пропагандой над именем и образом КГБ, ныне стирается так же быстро, как исчезает из сознания людей укоренившееся чувство страха перед органами, осторожность в словах и мыслях. Теперь многие понимают, что за фасадом красивых формулировок партийной печати и ведомственных документов КГБ о святой миссии защиты государственной безопасности плотно укрывалась забота о клановых интересах партийно-государственной элиты.

Я говорю так с полной ответственностью потому, что еще три года назад был чекистом, руководил горотделом УКГБ по Ленинградской области, свято верил внушаемым идеалам и не жалел сил во имя интересов службы. Три года назад руководителями КГБ мне был преподан урок лицемерия и лжи за попытку разоблачения злоупотреблений, взяточничества некоторых партийных функционеров, в связи с чем я, исходя из нравственных принципов, был вынужден, не дослужив до пенсии, уйти из системы КГБ.

Да, за годы службы в КГБ мне многократно приходилось профильтровать лиц, допуская так называемые политически вредные проявления, двоих из них привлекать к уголовной ответственности по политическим статьям Уголовного кодекса. Сегодня я не могу смотреть этим людям прямо в глаза — стыдно! Стыдно полковнику Я.Карповичу, стыдно многим честным чекистам.

А Вам, Владимир Александрович, не стыдно? За академика Сахарова, за музыканта Ростроповича, за писателя Аксенова, за нарицательных в сотнях лиц Сидорова, Петрова, Иванова, чьи судьбы исковерканы органами КГБ по указке партийных вождей.

Когда же будут держать ответ "вдохновители и организаторы всех наших побед", приведшие страну в политический и экономический тупик? Однако Вы на встрече с народными депутатами 23 марта с.г. не захотели сказать правду об

истинных виновниках нашего общественно-политического кризиса, более того, заявили о своей убежденной позиции сохранить КГБ под эгидой КПСС, не допустить деполитизации органов.

Кто говорил в Вас — чекист или партийный функционер? Неужели горький опыт минувших лет, взрывоопасное содержание нынешней политической ситуации в стране недоступны Вашему пониманию? Так, как мы жили раньше, сейчас жить нельзя! Прежним органам КГБ нет места в будущем правовом государстве!

Я понимаю, трудно пойти на открытый и прямой диалог, признать ошибочность прежнего политического курса партии, карательную сущность механизма политизированных органов госбезопасности.

Много легче поддержать иллюзию боевитости и зоркости КГБ ежедневными сообщениями в средствах информации об очередных победах чекистов в борьбе с юнцами-рэкетирами, посягающими на доходы кооператоров. Но не кажется ли Вам, что рекламирование борьбы органов ГОСУДАРСТВЕННОЙ безопасности с рэкетом, не относящейся к компетенции КГБ, воспринимается в народе как дешевая попытка отвлечь внимание законодателей от назревшей проблемы правомерности существования сегодня вчерашних органов КГБ.

Известно ли Вам, товарищи председатель, что чекистские коллективы уже не являются монолитными, преданными КПСС звеньями партийно-государственной системы, что в их глубинах накапливается напряжение, вызываемое несогласием (пока молчаливым) со все большим отдалением интересов КГБ от интересов своего народа? Разве сотни рапортов офицеров-чекистов с требованиями увольнения со службы не указывают на это?

Мне известно о Вашем запрете сотрудникам КГБ выступать в средствах массовой информации, о блокировании инициатив журналистов ряда центральных и региональных печатных органов и телевидения предоставить слово для честного разговора о КГБ его бывшим сотрудникам, например, генералу Калугину О.Д. Я знаю Вашу ожесточенную реакцию на появившиеся в "Огоньке", в "Литературной газете", в некоторых телепрограммах критические выступления в адрес КГБ.

И все-таки я лелею надежду, что Вы сможете преодолеть партийно-ведомственные амбиции и, заботясь о действительной чистоте будущих органов госбезопасности, обеспечите условия для заинтересованного разговора о месте и роли органов КГБ в нашем обществе, для поиска ответов на вопрос — каким быть КГБ?

Я не жду персонального ответа на мое открытое письмо. Пусть Вашим ответом на него будет свободное обсуждение проблем КГБ на страницах газет и журналов, в радио и телевизионном эфире.

Ю.Шутов,

подполковник запаса,
член КПСС с 1965 года

ТЕХНОЛОГИЯ МУЖЕСТВА

(Фрагмент. "Московский комсомолец", 4 июля 1990г.)

...Надо хоть несколько слов сказать об инциденте Калугина.

Что мы узнаем об этом человеке из сердитых указов, лишаящих его всяческих званий и наград?

В сущности, две вещи. Первая — как много у него заслуг. Вторая — как сильно на него рассердились.

Скажите, как из этих сведений мы можем составить свое к нему отношение? Надо ли быть очень умным, чтобы предположить: популярность этого человека теперь резко возрастет?

Вот что пишет наиболее популярный сегодняшний пророк, Александр Кабаков, автор "Невозвращенца" (причем он сказал это до инцидента с Калугиным): "У нас недооценивают сейчас роль структур тайной власти. Явная власть может сдаваться, может не сдаваться, может бороться, ее видно. Гидаспов может обращаться к рабочим — это все явно. Но есть тайная власть, которая не сдается, потому что никто на нее не может выйти напрямую, назвать — она тайная". ("Век XX и мир", 4/90).

Спрашивается: стоило ли без всякой практической пользы, день в день с указами о возвращении гражданства Зиновьеву, Максимову и Жоресу Медведеву выходить на свет божий из

сферы тайны — просто чтобы продемонстрировать свою рассерженность?

Тайны должны быть, по крайней мере, умными. Иначе это непрофессионализм.

Александр Аронов

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

(“Огонек”, № 29, 1990 г.)

Высочайшим Указом генерал КГБ Олег Калугин лишен чинов, званий и наград. Профессиональный разведчик, он оказался слишком осведомлен в тайнах своего учреждения и не пожелал скрывать эти позорные тайны от сограждан.

Какие же тайны выболтал опальный чекист? Учитывая его специфический предыдущий опыт, уж не раскрыл ли он секретную нашу агентуру в Америке, не “засветил” ли явки под носом у ЦРУ, не раскрыл ли какого-нибудь засекреченного верного друга СССР? Нет, Олег Калугин всего лишь рассказал о тесных связях партаппарата и его карающей десницы — “органов”, о чудовишно раздутых штатах охраны любого мало-мальски значимого начальничка, о тысячах добровольных и завербованных “стукачей”, опутавших нашу жизнь, о тщательно продуманной и безотказно действующей системе дезинформации, — словом, о том, что мы и так прекрасно видели, слышали, знали.

Так подтвердились отнюдь не КГБ распространяемые много лет слухи о сложных взаимоотношениях внутри этой грозной конторы. О том, например, что настоящие профессионалы из разведки и контрразведки с презрением относятся к некоторым коллегам-комитетчикам, делающим карьеру на провокациях и беззакониях против своих сограждан. В самом деле, мог ли тот же Калугин, долгие годы имевший дело с не липовыми противниками из западных спецслужб, всерьез относиться к “подвигам” пресловутого отдела, успешно сокрушавшего диссидентов, лишенных конспиративных навыков, нередко выступавших с принципиальной открытостью, дабы подчеркнуть законность и легальность своих действия? Но возьмите наугад любой

политический судебный процесс 60 — 80-х годов: следствие, обвинительное заключение зачастую шиты белыми нитками на скорую потную руку... Да и чего стараться было, когда заранее известно, что суд влечет ровно столько, сколько потребует прокурор, а прокурору всегда подсказжут, сколько на сей раз потребовать!

Что ждет Олега Калугина? Можно предположить, что КГБ станет изыскивать возможность привлечь его к суду за какие-нибудь прошлые "провинности" или нынешние высказывания либо попытается опорочить в глазах народа — такие попытки уже предпринимаются. Ясен и смысл недавних указов — не к Калугину они обращены, а к его единомышленникам, продолжающим служить в органах. Им в острастку. Чтобы читали и делали для себя выводы.

Думаю, что запугать и принудить к молчанию удастся не всех. Более того, надеюсь, что перестройка коснется и КГБ. для чего нужна малость: чтобы талантливые и умные люди взяли верх над бездарными. Чекисты-профессионалы, объединяйтесь! Вы нам нужны — против мафии, террористов, рэкета, наркобизнеса, да и шпионов тоже изредка надо ловить — чтобы не нагтели.

Но покуда все у вас так темно и неопределенно, прошу редакцию (хоть оно ей известно) не указывать моего имени. Не взыщите.

В. Макаров, Рязань

(“Аргументы и факты”, № 27, 1990 г.)

Выполняя обещание, данное в предыдущем номере, мы поместили комментарий КГБ СССР на выступление О.Калугина. О качестве этого комментария, надеюсь, выскажутся сами читатели. Каких-либо дополнительных материалов публиковать в этом номере не собирались. Однако появление 4 июля в “Известиях” информации о мерах, предпринятых Президентом СССР, Советом Министров СССР и председателем КГБ СССР в отношении О.Калугина, вызвало большое число писем и телефонных звонков. В связи с этим мы решили напечатать

читательские отклики и попросили О.Калугина ответить на наиболее часто встречающиеся вопросы наших подписчиков.

ПРЕДАЛ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА

Генерал КГБ Калугин, выступая на конференции "Демократической платформы в КПСС", в пылу разоблачительства "козней КГБ" преступил всякие грани официально дозволенного законом и подписки, данной им о неразглашении известных ему по службе данных.

Дело его совести — предательство тех интересов и политических взглядов, которыми он руководствовался, будучи на службе органов госбезопасности. Но предательство интересов государства выходит за рамки его нынешних политических взглядов, и он за них должен нести ответственность по закону, если мы считаем наше государство правовым. Закон должен распространяться на всех рядовых и генералов, партийных и беспартийных, служащих в кадрах и пенсионеров.

В.Пименов,
ветеран труда и ВОВ

КАК ПОМОЧЬ РИЧАРДУ?

Прочитал на днях в "Комсомольской правде" информацию о том, что бывший сотрудник ЦРУ Ричард Бреннек рассказал в телевизионном интервью, как ЦРУ США снабжало деньгами итальянскую масонскую ложу "П-2" для организации международной торговли оружием и наркотиками, а также для осуществления террористических акций. И так жалко мне стало Ричарда... Что с ним теперь будет? Ведь если даже в нашей демократической стране за несекретные сведения генерал О.Калугин лишился званий и наград, то что предпримут там, у них, на Западе?

Ну, для начала президент и директор ЦРУ своими указами тоже, наверное, лишат всего. А потом? Страшно подумать... И, главное, ничем не поможешь. Если Калугина в трудную минуту

мы можем поддержать материально, то Бреннеку наши неконвертируемые рубли ни к чему. А может, КГБ к этому подключиться и сэкономленное на Калугине отдать Бреннеку? Ведь тот разоблачил ЦРУ, а значит, фактически сработал на нас.

В.Киняевский
Московская обл.

НАКАЗАНИЕ НЕЗАКОННО

Указом Президента СССР, постановлением правительства и приказом председателя КГБ СССР генерал-майор запаса Калугин О.Д. лишен государственных наград, воинского звания и всех прочих регалий "за действия, порочащие честь и достоинство сотрудника органов госбезопасности". Провинился опальный генерал тем, что в нескольких устных и печатных выступлениях раскрыл кое-какие дела родного ведомства, до сих пор, по его мнению, выполняющего функции, несовместимые с принципами демократического правового государства.

Практически ничего нового о деятельности самой секретной в стране организации бывший генерал не сообщил, подтвердив лишь своим авторитетом и некоторыми деталями то, о чем многие догадывались. Но и этого оказалось достаточно, чтобы перечеркнуть долгие годы беспорочной службы.

Реакция руководства КГБ удивления не вызывает. Во всем мире спецслужбы не жалуют отступников. Удивляет позиция Президента и правительства. Удивляет вдвойне, поскольку практически одновременно с лишением Калугина государственных наград Президент подписал указ о восстановлении в гражданстве Александра Зиновьева, Владимира Максимова и Жореса Медведева. Не требуется откровений генерала госбезопасности для понимания того, какую роль в преследовании этих людей сыграли в свое время сотрудники КГБ, которые тем самым, конечно же, ничем не опорочили свои честь и достоинство и, судя по всему, могут быть спокойны за свои награды и звания.

Понимал ли Президент двусмысленность ситуации, устраняя несправедливость в отношении бывших диссидентов и творя ее

в отношении диссидента нынешнего? Не хочется гадать о подоплеке этого своеобразного "обмена", но поневоле возникает мысль, что после атаки со стороны высокопоставленных военных на одном партийном съезде лидер партии в ходе другого съезда нуждался в поддержке организации, не менее солидной, чем армия.

Политика политикой, но рассматриваемый вопрос имеет и юридическую сторону. В соответствии с действующим уголовным законодательством лишение государственных наград, воинского и другого специального звания производится по представлению суда в связи с совершением преступления, факт которого установлен вступившим в законную силу приговором. Какое преступление совершил Калугин, в чем конкретно оно выразилось, какой законодательной нормой предусмотрена ответственность за него? Нет, и Президент, и правительство действовали в пределах своих полномочий. Однако оправданны ли эти полномочия, если они позволяют исполнительной власти вершить свой суд на основании представления заинтересованного ведомства?

Интересно, а пожелай Калугин обжаловать принятые в отношении него решения, куда он может обратиться? В развитом демократическом обществе, где наличествует судебный контроль над исполнительной властью, такая проблема не возникает. У нас же перед этой властью человек пока ничем не защищен. Может быть, свое слово должен сказать Комитет конституционного надзора — и не только по поводу конкретных актов Президента и правительства, но и в целом о порядке, который позволяет лишать наград и званий человека, не признанного судом виновным в преступлении перед обществом.

А.Похмелкин,
кандидат юридических наук

О.КАЛУГИН: "МОЯ СОВЕСТЬ ЧИСТА"

"АиФ". Постановлением Совета министров СССР вы лишены воинского звания генерал-майор запаса. Читателей интересует: какое же звание вам оставили?

Калугин. Честно говоря, не знаю, так как еще не выяснял этого вопроса в КГБ. Генерала П.Григоренко, попавшего в такую же ситуацию, как и я, разжаловали в солдаты.

— А что будет с пенсией?

— Думаю, что какой-то минимум получать я буду. Скажем, ту же солдатскую, которая до недавнего времени составляла 12 рублей.

— Указом Президента СССР, а также приказом председателя КГБ СССР вы лишены государственных и ведомственных наград. Что это были за награды и за что вы их получили?

— Первый из трех орденов — "Знак Почета" я получил в 1964г., скажем так, за активную работу по приобретению источников информирования за границей. Ордена Красной Звезды (1967г.) и Красного Знамени (1977г.) были мне вручены, условно говоря, за операции, направленные на обеспечение национальной безопасности. О медалях, думаю, подробно говорить не будем. Скажу лишь о награждении меня ведомственной медалью КГБ "За безупречную службу" всех трех степеней. Были еще ценные подарки председателя КГБ, такие, как именное охотничье ружье, радиоаппаратура и т.д.

— Если не секрет, на что вы теперь будете жить?

— После увольнения из КГБ работаю консультантом Ассоциации развития информационных технологий. Но, кажется, руководство Ассоциации весьма напугано, и мне, видимо, придется отсюда уйти.

— Помимо упомянутого вами генерала Григоренко за последние 15 — 20 лет кто-нибудь еще был наказан так же, как вы?

— Да. Например, академик А.Сахаров. Мне, конечно, с ним не равняться. Но с точки зрения процедуры он так же, как и я, без суда и следствия, произволом высшего руководства был лишен звания трижды Героя Социалистического Труда, других

наград. Правда, Академия наук не позволила лишить его "генеральского" звания.

Или возьмем того же Щелокова. Он тоже был лишен всего, но по приговору суда и осужден был за конкретные деяния. В моем же случае состава преступления нет. Разоблачая мафиозную ведомственную "секретность", я остаюсь чистым как перед законом, так и перед обществом. Считаю, что та поспешная акция, которая предпринята против меня, носит профилактический характер: заткнуть рты тем, кто захочет пойти моим путем.

— Читатели опасаются за вашу безопасность.

— КГБ способен на любые действия. Но в моей ситуации им лучше меня беречь во избежание дальнейших для себя осложнений.

— Каковы, по-вашему, будут последствия санкций против вас?

— Они уже налицо: общественное мнение всколыхнулось — и, кстати, в мою пользу. Честно говоря, я даже не ожидал такой поддержки со стороны общества. Люди давно нутром чувствуют, что помимо партаппарата кто-то еще мешает, не дает обществу двигаться вперед. Поддержку ощущаю даже от сотрудников КГБ, которые, несмотря на возможные репрессии, готовятся выступить с аналогичными заявлениями.

ТЕЛЕГРАММЫ

ВОЗМУЩЕНЫ И ПРОТЕСТУЕМ ПРОТИВ РАСПРАВЫ С
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ КАЛУГИНЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ
СТРАНЫ ЗА РАЗОБЛАЧЕНИЕ ОРГАНОВ КГБ ЭЩЕЛОНОВ
ПАРТИЙНОЙ ВЛАСТИ ТЧК ПОЗОР ВАМ ЗПТ ПРЕЗИДЕНТ
ТЧК ТРЕБУЕМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ
ПРАВАХ ТОВАРИЩА КАЛУГИНА ТЧК
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРИЗНАНИЕМ ВАШИХ ЗАСЛУГ
СПАСИБО ЗА ПРАВДУ И СМЕЛОСТЬ В ЭТИ ТРУДНЫЕ
МИНУТЫ ИСКРЕННЕ С ВАМИ

СЕМЬЯ ЖОГЛО, МИНСК

ГРУППА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ НОВОСИБИРС-
КОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ВЫРАЖАЕТ ВАМ
ПОДДЕРЖКУ СЧИТАЕТ НЕОБХОДИМЫМ ПРОВЕДЕНИЕ
РЕФОРМ КГБ ЗАЯВЛЯЕТ НАМЕРЕНИИ ВСЕМЕРНО
ПОДДЕРЖИВАТЬ ВАС ЕСЛИ БУДЕТ ВОЗНИКАТЬ
УГРОЖАЮЩАЯ ВАМ ОБСТАНОВКА СО СТОРОНЫ
РУКОВОДСТВА КГБ НАПРАВЛЕНО ЗАЯВЛЕНИЕ
КРЮЧКОВУ

ДЕПУТАТЫ СИДОРОВ, ЯДРИХИНСКИЙ, МАЗУР,
АНАНЬИН, БЕЗНОЩЕНКО, МАСЛОВ, ФЕДОРОВСКИЙ
(ВСЕГО 26 ПОДПИСЕЙ), НОВОСИБИРСК

ЗАЯВЛЕНИЕ

("Смена", 3 июля 1990 г.)

Мы — бывшие следователи разгромленной группы Т.Х.Гдяна, а ныне народные депутаты от Ленинграда, с возмущением, но без удивления ознакомились с информацией ТАСС об акциях Политбюро ЦК КПСС (Горбачев М.С., Рыжков Н.И., Крючков В.А.) в отношении генерала Калугина О.Д., оформленных Указом Президента СССР и приказом председателя КГБ СССР.

Данные действия являются очередным звеном в цепи политических провокаций, таких, как недавняя травля нынешнего Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина и иных активистов демократического движения, разгром дела о московско-кремлевско-узбекских мафиозных группировках, уголовное преследование народных депутатов РСФСР профессора Корягиной Т.Н. и Суркова А.П., политико-экономическое давление на входящие в состав СССР суверенные государства и т.п. Каждый раз в таких акциях под перестроечные заклинания объектами высочайшего преследования и шельмования оказываются отдельные личности, группы граждан и целые народы, осмелившиеся заявить правду о положении в отдельных ведомствах, в стране в целом, о недостойных делах ее руководителей, соблюдении своих конституционных прав.

Имея опыт работы в правоохранительных органах, мы можем подтвердить справедливость многих высказываний Калугина О.Д., и, как для всех здравомыслящих людей, для нас очевидно, что преследование этого человека в ответ на справедливую критику не имеет ничего общего с декларируемым "плюрализмом мнений". Это лишний раз свидетельствует об усилившейся агонии нынешнего руководства и его политической обреченности.

Поддерживая идею создания комитетов поддержки Калугина О.Д., мы призываем избирателей, всех своих сторонников выразить отношение к позорным акциям Политбюро. Надеемся, что этому неприкрытому произволу дадут соответствующую оценку комитеты и комиссии Верховного Совета СССР, Верховный Совет РСФСР, все партии и движения. Наша сила в единстве.

Убеждены, что данный Указ Президента СССР и другие решения по генералу КГБ Калугину О.Д. ждет та же участь, что и подписанный Горбачевым М.С. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.04.89 г. с чудовищной статьей 11-прим. Это дело чести демократических сил, всех честных граждан страны. Подавление инакомыслия и демократия несовместимы.

Н.В.Иванов,
народный депутат СССР и Армянской ССР,

Ю.М.Лучинский,
народный депутат РСФСР,

Н.А.Рейтер, А.Я.Ткаченко,
народные депутаты Ленгорсовета

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Двадцать первого созыва
(первая сессия)

РЕШЕНИЕ

Об Указе Президента СССР
в отношении генерала
Калугина О.Д.

от 5 июля 1990 г.

Московский городской Совет народных депутатов с большой озабоченностью воспринял факт лишения заслуженных государственных наград и воинского звания не совершившего противоправных действий генерала Калугина.

В его выступлении в июне с.г. и в интервью с ним содержится справедливая критика системы органов государственной безопасности, деятельность которых подчинена аппарату КПСС, и руководства КГБ, тормозящего перестройку.

Поспешность принятия Указа Президента и других актов, попытка свести дело к обсуждению личности свидетельствуют о

том, что данный Указ имеет целью на примере генерала Калугина прекратить продолжение критики со стороны других сотрудников КГБ.

Нет сомнения, что данный Указ принят под давлением, президентские полномочия использованы в целях "умиротворения" представительной делегации руководства КГБ на партийном съезде.

При всех ошибках политиков и руководителей честная служба Родине и уважение к согражданам, несущим эту службу, будь то в армии или на флоте, в милиции или разведке, были и остаются одним из стержней общественной морали.

Поэтому лишение заслуженных наград даже одного офицера за критику есть оскорбление всех профессионалов, всех офицеров и генералов, начинавших службу от лейтенантского звания, а не от номенклатурной должности.

Закон СССР от 14 марта 1990 года "Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР" передает Президенту СССР ряд полномочий Президиума Верховного Совета СССР, записанных в Конституции. Среди этих полномочий право лишения государственных наград не указано.

Поэтому продолжает действовать положение "Об орденах, медалях и почетных званиях СССР", утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1979 года, в соответствии с которым лишение государственных наград производится Президиумом Верховного Совета.

На основании изложенного Московский городской Совет народных депутатов решил:

1. Просить Комитет конституционного надзора СССР по собственной инициативе принять к рассмотрению вопрос о соответствии Указа Президента о лишении государственных наград Калугина О.Д. действующему законодательству.

2. Обратиться в Верховный Совет РСФСР с предложением привести порядок награждения и лишения наград в соответствие с Декларацией о суверенитете РСФСР.

*Председатель Московского
городского Совета народных депутатов*

Г.Х.Потов

POST SCRIPTUM

ОЛЕГ КАЛУГИН ПОБЕДИЛ

Собрав 57,94 процента голосов, бывший генерал-майор КГБ уверенно обошел во втором туре своего конкурента на проходивших в Краснодарском крае выборах народного депутата СССР.

НИ ДЛЯ КОГО не секрет, что властям был больше по душе не отставной генерал, а его соперник — Николай Горовой. Кстати, за 4 дня до повторного голосования он был избран председателем крайисполкома и оставил кресло заместителя "Краснодаркрайагропромсоюза". На агитацию за Горового средств не жалели. Его "команда" получила все — от богатой полиграфической базы до вертолетов, разбрасывавших над Краснодаром, Крелоткином и другими городами тучи листовок. Пожалуй, самой оригинальной оказалась та, которую принес на корпункт "МН" один из избирателей: "Напоминаем вам, — говорилось в ней, — что 2 сентября 1990г. состоятся повторные выборы, один из кандидатов — Горовой Н.И., в 1985 году вступивший в конфликт с краевым комитетом партии по вопросам развития сельского хозяйства Кубани. Голосуйте за Горового Н.И.!" Впервые на моей памяти аппарат, желая победы своему кандидату, пытался использовать... собственную непопулярность.

Итог известен. Трудно сказать, что сыграло большую роль в этой победе — быстро развивающиеся на Кубани демократические движения или давление аппарата, вызывающее, как показала практика, обратную реакцию избирателей.

Юрид Зенюк,
Краснодар,
сборкор "МН".

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства.	3
КГБ без грима. Выступление О.Калугина на конференции "Демократической платформы в КПСС" 16 июня 1990 г.	4
О.Д.Калугин. Перерождение.	11
ИНТЕРВЬЮ. СТАТЬИ. КОММЕНТАРИИ	
Генерал-майор Олег Калугин: "КГБ пока не меняет принципов ("Комсомольская правда", 20 июня 1990 г.).	32
Н.Геворкян "Откровенность возможна, лишь когда за тобой закроется дверь" ("Московские новости", 24 июня 1990 г.).	41
В.Иванов. Каждый выбирает свою судьбу сам ("Правда", 28 июня 1990 г.).	48
О.В. Факты необязательны? ("Московские новости", 1 июля 1990 г.).	53
Г.Урушадзе. "...Если рухнет человек" ("Смена", 3 июля 1990 г.).	54
"Сегодня с Лубянки видна не Колыма, а Старая площадь" ("Час пик", 2 июля 1990 г.).	60
Л.Милославский. Олег Калугин: "Я был скромный генерал, а стал популярный человек" ("Коммерсантъ", 2 июля 1990 г.).	67
А.Фадин. Почему Президент лишил генерала Калугина наград ("Коммерсантъ", 2 июля 1990 г.).	71
Необходимо расследование (Обращение группы народных депутатов от ВЛКСМ к Председателю Верховного Совета СССР А.И.Лукиянову).	73
О.Калугин. Не переходить на личности ("Комсомольская правда", 3 июля 1990 г.).	75
О.Шарев. Жить не по лжи ("Аргументы и факты", № 27)	77
В.Лошак. 10 дней, которые потрясли КГБ.	81
М.Любимов. Разжалован без доказательств ("Московские новости", 8 июля 1990 г.).	84
Л.Елин. "Дело Калугина" ("Новое время", № 29)	87
ОТКЛИКИ	
"КГБ защищает интересы партийной элиты" — заявляет бывший чекист подполковник Юрия Шутов ("Час пик", 2 июля 1990 г.)	94

А.Аронов. Технология мужества (фрагмент. "Московский комсомолец", 4 июля 1990 г.)..	97
Письма читателей ("Огонек", № 29; "Аргументы и факты", № 27).	98
Телеграммы	105
Заявление народных депутатов ленинградцев Н.В.Иванова, Ю.М.Лучинского, Н.А.Рейтера, А.Я.Ткаченко ("Смена", 3 июля 1990 г.).	106
Решение Московского городского Совета народных депутатов "Об Указе Президента СССР в отношении генерала Калугина О.Д.", 5 июля 1990 г.).	107
Post Scriptum.	109

Олег Давилович Калугин

ВИД С .ЛУБЯНКИ

Заведующая редакцией публицистики **Яков Костоюковский**
 Составитель и редактор **Валим Перельмутер**
 Художественные редакторы **Михаил Гуров, Фелор Меркуров**
 Технический редактор **Елена Румянцева**

Сдано в набор 10.09.90. Подписано к печати 30.09.90

Формат 84x108 1/32 Бумага типографская №1.

Гарнитура Cyrillic, Компьютерный набор — Macintosh SE **Офсетная печать.**

Усл. печ. л. **7,0** Уч. изд. л. **6,51** Заказ № **1566**

Отпечатано в п/о "Полиграфист", Л. **00059**

Тираж **50.000** Цена **4 руб. 50 коп.**

Независимое издательство ПИК. — Москва

Народный депутат СССР
Олег Калугин передал
Независимому издательству ПИК
исключительное право на издание
своей книги
"Воспоминания для будущего",
которая выйдет в ближайшее
время.

Когда Калугина спросили, правда ли что секретная полиция Москвы практикует прослушивание телефонных разговоров зарубежных журналистов (хотя официально это неизменно отрицается), он кивнул и сказал: «Это же очевидно».

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» 17.6.90.

Бывший генерал-майор КГБ заявил, что советская секретная служба и в период правления Михаила С. Горбачева продолжает инфильтрироваться в каждое предприятие, церковь, творческий союз, во все политические группировки Советского Союза, хотя многие офицеры КГБ в настоящее время являются диссидентами.

«Роль КГБ не изменилась, — сказал Калугин, — эта организация создала себе свой имидж, но суть ее осталась той же самой. КГБ везде, он вездесущ, это справедливо и сегодня. До тех пор пока эта организация будет оставаться оружием партии, она будет такой, какая она есть.»

Господин Калугин сказал, что господин Горбачев продемонстрировал свое доверие к КГБ, сделав господина Крючкова полноправным членом Политбюро партии. «Ему необходим КГБ, возможно, в его сражениях как с левыми, так и с правыми», — сказал господин Калугин.

Очередная попытка правительства воздействовать на КГБ с помощью Верховного Совета является с точки зрения господина Калугина «безнадежной». Законодатели «просто боятся КГБ», сказал он.

«ВАШИНГТОН ПОСТ» 18.6.90.

«Наши граждане живут в огромном концлагере, — сказал на пресс-конференции генерал Калугин, — новый облик КГБ — всего лишь косметика.»

Генерал Калугин говорил о том, что сотрудники КГБ по-разному оценивают ситуацию.

С прекращением холодной войны многие офицеры пришли в замешательство, их беспокоит отсутствие привычного образа врага, которым долгое время был гражданин

империалистического Запада. «Усиливается критика Горбачева», — сказал он, хотя глава КГБ пока еще поддерживает советского президента.

Не боится ли он говорить о таких вещах, спросили генерала. Гласность — лучшая политика, ответил он.

«ГАРДИАН» 18.6.90.

Генерал Олег Калугин с 1958 по 1970 год занимался «активной разведывательной деятельностью» в США, после чего его перевели руководителем КГБ по Ленинградской области. Но мы до сих пор не знаем, сколько людей работает на КГБ. Отметив возможность возникновения проблем, связанных с законодательством, генерал отказался сообщить западным корреспондентам секретные сведения о средствах, тратящихся на содержание осведомителей (на Западе предполагается, что эта цифра составляет как минимум 1,5 миллиона фунтов стерлингов). Однако он считает, что эта цифра вдвое превышает расходы американских, европейских и азиатских секретных служб вместе взятых, «за исключением, возможно, Китая».

«ИНDEPENDЕНТ» 18.6.90.